№ 4
1961

Искатель

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

БОРИС ХУДЕНКО

ЗДРАВСТВУЙ, САПИЕНС!

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

НЕСЛЫШНАЯ МУЗЫКА

Альфа Лебедя исчезла...

— В чем дело? — сердито спросил Николай Павлович, обернувшись к ассистенту, который готовил аппаратуру к наблюдениям.

— Тоже не видите? — обрадованно и вместе с тем испуганно отозвался тот.

Николай Павлович несколько секунд смотрел на его растерянное лицо, потом снова взглянул в окуляр.

Вспомнилось, как однажды его повергла в смятение фотография спектра, который просто тем, что существует, перечеркивал все физические теории. А потом оказалось, что ассистент по ошибке зарядил кассету не той пленкой.

Но нет. Телескоп направлен в созвездие Лебедя, вон оно сияет... И все-таки самой яркой из его звезд, той, которую еще астрономы древности назвали звучным именем Денеб, не видно.

Николай Павлович с неудовольствием почувствовал, что растерялся под недоумевающим взглядом своего помощника. Обычно каждое затруднение в исследовательской работе сразу рождало у него несколько гипотез, пусть даже неле-

Рисунки Ю. МОЛОКАНОВА

пых и несуразных. На смену отвергнутым предположениям приходили новые, пока, наконец, мысль не находила ту единственную гипотезу, отвергнуть которую уже не удавалось. Сейчас такой гипотезы не было.

Не предполагать же, что гигант Денеб исчез...

Николай Павлович еще раз посмотрел в телескоп.

Денеб сиял, как и вчера, и позавчера, как тысячи лет до этого, на своем законном месте, в созвездии Лебедя.

Николай Павлович внимательно присмотрелся к хорошо знакомой картине звезд. Да, Денеб был на месте, но теперь потухла маленькая звездочка слева.

Через несколько минут она снова вспыхнула, но вскоре погасла ее соседка слева.

— Оно перемещается, — сказал Николай Павлович, откидываясь на спинку сиденья.

— Что перемещается? — быстро спросил техник.

— Ну, это... пятно среди звезд. Оно определенно перемещается, — медленно повторил Николай Павлович.

Он давно пережил прекрасное время юности, когда так хорошо мечтается о неожиданных и ярких открытиях, подобных открытиям Коперника или Галилея. Наука требовала повседневной работы. Малейшая задержка сейчас

раздражала его. Серия исследований тонкой структуры спектра белых звезд успешно приближалась к концу. Но вместе с тем катастрофически быстро кончался и срок их пребывания здесь, в Крымской обсерватории. Через неделю надо возвращаться в Москву, к студентам. Обидно будет уезжать, не обеспечив себя исчерпывающе полным экспериментальным материалом.

Так стоит ли сейчас бить в барабаны по поводу непонятного мерцания звезд? В конце концов все это может оказаться случайным атмосферным явлением, не имеющим никакого отношения к астрофизике. Не разумнее ли спокойно продолжать намеченные на сегодня исследования спектра?

И сразу же все в нем возмутилось этой старческой трезвостью рассудка. Он навсегда потерял бы уважение к себе, если бы не попытался сейчас понять, что происходит перед объективом телескопа.

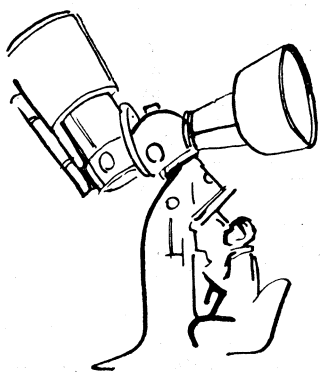
— Сделайте снимки этой области, — решительно сказал он ассистенту. — Фотографируйте через каждые пять секунд в течение получаса. Используйте пленку максимальной чувствительности. Я запишу наблюдения и свяжусь с другими обсерваториями. Пленку немедленно проявите и покажите мне.

Через час Николай Павлович сосредоточенно просматривал пленку. Черные пятнышки звезд на негативе последовательно одно за другим исчезали и вновь появлялись. Трасса этого мерцания представляла собой плавную кривую.

На одном из негативов Николай Павлович обнаружил в районе пятна небольшой метеор. Проследив на следующих кадрах его траекторию, он положил пленку на стол и надолго задумался.

Траектория метеора в области пятна резко искривилась! Его как будто отбросило в сторону. Николай Павлович нахмурился.

Ну, хорошо, пусть эта штука, закрывающая свет звезд, почему-то не отражает солнечные лучи, не обнаруживает себя. Это невероятно, однако допустим, что это факт. Но должна же она быть материальна, иметь массу! Даже луч света имеет массу. А массы притягиваются! Метеор мог отклониться только по направлению к пятну, но ни в коем случае не от него!



Внезапно им овладело сильнейшее беспокойство, даже тревога. Николай Павлович удивился: неужели он становится под старость таким впечатлительным? Но волнение не проходило.

И оно порождалось не мыслями о пятне и метеорах. Это было очень странное ощущение, будто какой-то призыв, непонятный, неясный, — призыв не мыслям, а непосредственно его воле, желаниям. Он требовал каких-то действий, заставлял куда-то идти. Но каких? Куда?

Николай Павлович стиснул на столе руки и закрыл глаза. Призыв или приказ вливался в него как неслышная музыка, наполняя тревогой и беспокойством, будоража сознание, повелевая как-то реагировать, отвечать словами, действием, как-нибудь, только не сидеть сложа руки, закрыв глаза. Он постарался успокоить себя. Просто устал... Непонятные явления в небе... Непонятное всегда вызывает тревогу.

Николай Павлович открыл глаза, посмотрел на снимки. Никакого беспокойства не было больше ни в нем, ни вокруг. Все было нормально, привычно.

Он оглянулся.

В открытой двери стоял ассистент и в недоумении оглядывал комнату. Его лицо выражало растерянность и удивление.

— Что это? — шепотом спросил он. — И с вами тоже?

Николай Павлович пожал плечами.

— Вам телефонограмма из Москвы, — сообщил ассистент.

Президент Академии наук срочно вызывал ученого в Москву с результатами наблюдений сегодняшней ночи.

КОСМИЧЕСКАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Просторный кабинет председателя правительственной комиссии постепенно наполнялся людьми.

Сергей Борисович, хозяин кабинета, стоя у стола, крепко пожимал каждому вошедшему руку и широким, радушным жестом предлагал занять кресло.

Николай Павлович сел у окна.

Неожиданно в кабинет вместе с референтом и незнакомым пожилым человеком вошел его зять, Виктор, со свертком чертежей в руке. Увидев Николая Павловича, он обрадованно шагнул навстречу, не замечая разделявшего их стола. Николай Павлович улыбнулся ему. И Виктор заспешил за своим начальником, который уже разговаривал с председателем комиссии. Николая Павловича обрадовало появление Виктора. Уже одно то, что он приглашен на встречу виднейших конструкторов ракетной техники с учеными, кое о чем говорило. Но, может быть, Виктор здесь лишь для того, чтобы носить за своим начальником чертежи?

О существовании этого молодого человека он впервые узнал, когда Лена, подвернув ногу на лыжной прогулке, несколько дней провела в постели. Николай Павлович с изумлением наблюдал за дочерью. Она довольно равнодушно, даже насмешливо относилась к своим поклонникам. А теперь... теперь у нее радостным ожиданием загорались

глаза при каждом телефонном звонке парня, который донес ее тогда до станции.

Как только Лена поправилась, Николай Павлович попросил познакомить его с этим счастливцем.

Виктор вошел, высокий, широкоплечий, немного неуклюжий, явно смущенный своим вторжением в квартиру знаменитого академика. Он, вообще говоря, понравился Николаю Павловичу, но... уж очень он был прост! Все в нем было ясно, открыто, доверчиво, прямо... Слишком уж прямо! Это могло означать либо необыкновенную душевную чистоту и силу, либо... некоторую ограниченность. Лена, видимо, лучше разобралась в характере Виктора... Но он так и не смог до конца принять сердцем их женитьбу.

Когда Виктор кончил аспирантуру в Институте ракетной техники, они с Леной уехали в Сибирь. Теперь у них подрастал сынок Мишутка, ни разу не виденный им внук...

Николай Павлович разглядывал зятя.

Виктор возмужал за эти годы, и вместе с тем черты его лица стали тоньше, одухотвореннее.

Начальник Виктора все еще о чем-то вполголоса говорил с председателем комиссии. Иногда председатель обращался и к Виктору. Значит, он был здесь не просто в роли адъютанта.

— Не будем терять времени, товарищи, — сказал Сергей Борисович, взглянув на часы.

Тихий говор смолк. Все повернулись к председателю.

— Академик Морозов, — сказал председатель, — ознакомит вас с фактическими данными.

Николай Павлович хотел было подняться, но сидеть в мягком кресле было так удобно и он так устал, что, махнув на все рукой, заговорил буднично, не спеша:

— Мерцание звезд происходит теперь по замкнутой, почти круговой траектории вокруг Земли на высоте около четырех тысяч километров. Радиолокационное зондирование в направлении потухающих звезд никакого препятствия не обнаружило. Не дало результатов и фотографирование на самую чувствительную пленку, хотя любое физическое тело должно отражать в какой-то степени солнечные лучи и быть видимым по крайней мере на снимках. Перемещение «Неизвестности» сопровождается значительными возмущениями магнитного поля Земли. Вычисления показывают, что для того, чтобы вызвать отмеченное приборами отклонение света звезд, «Неизвестность» должна обладать массой, значительно большей, чем масса... Солнца. И еще одно интересное обстоятельство. Встречные метеоры не притягиваются, а отклоняются от нее. Следовательно, «Неизвестность» обладает и обычной, положительной, и одновременно отрицательной массой. Таковы факты...

— Какие предположения все же можно сделать о физической природе этого явления? — спросил председатель.

— На Западе кое-кто уверяет, что это шутка господа бога, — ответил, улыбаясь, Николай Павлович. — Ученым предстоит найти более совершенную гипотезу. Однако выводы сейчас делать рано.

— Может это быть космическим кораблем? — прямо спросил Сергей Борисович.

— Как и любое другое физическое тело, корабль должен отражать световые лучи, быть видимым, — осторожно ответил Николай Павлович. — Если это корабль, то его физическая природа по меньшей мере весьма своеобразна. С другой стороны... Любое космическое тело, захваченное полем тяготения Земли, будет двигаться по эллиптической, а не по круговой траектории. И еще — отталкивание метеоров... Короче — необходимы дополнительные исследования. Те факты, которые имеются в нашем распоряжении, очень ограниченны и противоречивы.

— Какие мероприятия могли бы помочь вам?

Николай Павлович окинул взглядом настороженные, внимательные лица участников совещания и встретился с глазами Виктора. Они просили, умоляли... Неужели он до сих пор мечтает о полете в космос?

— Туда необходимо послать приборы, — решительно сказал Николай Павлович. — Очевидно, много приборов, так как программа исследований поневоле должна быть обширной, всесторонней. Может быть, придется послать не один аппарат и не два... Это надо сделать немедленно. На Западе паника. Версия о божественной штуке — наиболее безобидный вариант запугивания. Газеты и радио кричат о космической агрессии, о войне миров, о необыкновенном психологическом оружии, будто бы примененном таинственными пришельцами. Действительно, два дня назад что-то вроде гипноза испытывали многие. Сейчас это прекратилось. Нужен спокойный, трезвый учет всех обстоятельств. Впрочем, уверять, что это неведомое явление ничем нам не грозит, было бы тоже несерьезно. Неизвестность всегда таит в себе угрозу.

Председатель удовлетворенно кивнул и, немного помедлив, спросил:

— Что скажете, товарищи конструкторы?

Все взоры сразу скрестились на академике Дорошенко. В последние годы Дорошенко получил всеобщее признание как один из ведущих конструкторов космических кораблей.

Сейчас он сидел молча, собирая в складки зеленую скатерть на столе и вновь разглаживая ее ладонью. Его сухое, худощавое лицо было спокойно.

— Мы думали об этом, Сергей Борисович, — сказал он, наконец, не поднимая глаз. — Мы можем послать туда приборы. Можем обеспечить возвращение всей информации, собранной ими, на Землю. Такие задачи успешно решаются нашими автоматическими космическими станциями. Но!.. — Дорошенко решительно пристукнул складку и взглянул на председателя. — Но аппарат должен совершать в космосе сложные эволюции. Ему придется, наверняка придется приблизиться к этому пятну, догнать его, остановиться, обойти вокруг. Иначе говоря, лететь должен корабль, управляемый в полете, с достаточно мощным двигателем и большим запасом горючего. — Дорошенко снова опустил глаза и замолчал. Потом негромко продолжал: — У нас есть проект

такого аппарата. Он рассчитан на управление пилотом. Но вес велик — на такую высоту ракеты не смогут забросить его. Следовательно, — теперь он смотрел в упор на Николая Павловича, — нужна новая, более мощная ракета. Для ее создания, — он перевел взгляд на председателя и негромко закончил: — потребуется месяцев восемь. По меньшей мере полгода...

Председатель внимательно посмотрел на Дорошенко. По-видимому, все, что сказал сейчас генеральный конструктор, он знал и надеялся услышать что-то еще. Наступила тишина.

Николаю Павловичу стало не по себе. Молчание, опущенные глаза, бессилие этих людей — ведь это означало сейчас бессилие всего человечества.

Полгода!..

Какой сюрприз готовил космос людям завтра, может быть, в следующую минуту?

«РАЗРЕШИТЕ МНЕ!..»

— Разрешите мне!.. — переглянувшись со своим начальником, неожиданно прервал молчание Виктор. — Конструировать заново ракету не обязательно. Ведь сейчас речь идет о выведении далеко в космос ракеты с тяжелым кораблем на борту. Значит, можно применить те средства, разработку которых мы заканчиваем у себя в институте.

— Вы имеете в виду дополнительные пороховые двигатели? — спросил Дорошенко. — Несколько лет назад я, помнится, читал одну весьма оригинальную статью по этому вопросу.

— Это моя статья, — быстро сказал Виктор. — Вопрос о разгонах ракет с большими грузами рассматривался в моей кандидатской диссертации.

— Но техника пошла по другому пути, — сказал Дорошенко. — Мы стараемся делать разгон более плавным, чтобы его легче переносил человек. Поэтому наши полеты, начиная с первого — с полета Гагарина, — проходят успешно.

— В нашем институте, — возразил Виктор, — проводились исследования по отработке стартовых ускорителей. Последний вариант, я считаю, позволяет рискнуть.

— Надо подробнее ознакомиться с проектом, — предложил Дорошенко и даже положил оба локтя на стол, ожидая.

Виктор принялся развешивать чертежи. Потом быстро и горячо заговорил о конструкции, регулировании двигателя, скоростях, графиках их изменения. Виктора забросали вопросами. За стремительностью его ответов чувствовалась серьезная научная разработка проблемы.

Теперь все снова повернулись к Дорошенко. Генеральный конструктор сидел, сосредоточенно потирая лоб.

— Ну?! — совершенно по-домашнему воскликнул председатель.

Дорошенко посмотрел на него, широко и смущенно улыбнулся, развел руками и стал похож на старого хитрого запорожца, которого строгая жинка застала за чаркой горилки.

— Сдаюсь! — сказал он. — Це ж не хлопец, а фейерверк! Ратуйте, добры люди! Бьют нас сибиряки!.. Во всяком случае, приборы выдержат эти ускорения. И если послать управляемый с Земли корабль без человека, вопрос можно считать решенным.

— У меня есть еще предложение, — сказал Виктор.

— Ого!.. — воскликнул Дорошенко.

— К «Неизвестности» должен лететь человек! — заторопился Виктор, боясь, что его перебьют. — Тогда все главное можно узнать быстро. И надежнее, полнее, чем это сделают любые приборы. А медлить нельзя! Николай Павлович говорил уже...

— Ну-ну, без паники! — предупредил председатель.

— Это не паника, Сергей Борисович! — горячо воскликнул Виктор. — «Неизвестность»!.. Что может быть хуже вот такой неизвестности? Я понимаю, что это рискованно! Но это же нельзя ставить рядом: один человек и — все люди, Сергей Борисович! Как же в войну разведчики уходили в тыл к врагу? И командование посылало... Посылало людей, хотя у армии и тогда уже была инструментальная разведка...

— Ну, то в войну!.. — проворчал председатель.

— А кто сказал, что это не война? — вызывающе спросил Виктор.

«Какой задира!» — с удовольствием и тревогой подумал Николай Павлович и скосил глаза на председателя. Но Сергей Борисович явно не собирался спорить.

— Ну, хорошо, хорошо... — примирительно сказал председатель. — Я сообщу ваше мнение в Центральный Комитет. У вас все?

— Нет, Сергей Борисович! — Виктор секунду помедлил, и Николай Павлович затаил дыхание. — Разрешите мне... Разрешите лететь мне!

— Я сказал, что этот вопрос будет решаться не мною,— недовольно повторил председатель, но, видно не удержавшись, слегка усмехнулся, покачал головой и обратился к Дорошенко: — Что скажете, товарищ генеральный конструктор?

— Что скажу? — переспросил Дорошенко. — Что говорить? Стар я уже, Сергей Борисович! — вздохнув, признался он и тут же упрямо добавил: — А был бы помоложе, тоже попросился бы!

— А как думают остальные?

Конструкторы молчали. Виктор был не только самым молодым из них, он имел вторую профессию — космонавта.

— Ну, хорошо! — согласился председатель. — Значит, договорились принять предложение сибиряков за основу?

— Да, да! — встрепенулся Дорошенко. — Пусть они

делают первую ступень. Остальное все — наше! У нас и проект космолета готов.

— Пилотируемый вариант! — подчеркнул председатель и сразу же обратился к Виктору: — Сколько вам нужно времени?

Тот вопросительно взглянул на своего начальника и сел.

— Проект разработан достаточно хорошо, — медленно сказал пожилой конструктор. — Деталировка... Доводка... Месяца два!

— Месяц! — решительно потребовал Сергей Борисович.

Начальник посмотрел на Виктора. Тот с умоляющим видом пошевелил губами. «Архип Степанович», — расслышал Морозов.

— Хорошо... — сердито буркнул Архип Степанович и сразу же заторопился: — Штаты конструкторов и производственников нам необходимо удвоить. Даже утроить! Будут работать посменно...

— Договорились! — согласился председатель. — Вам, товарищ Дорошенко, поручим срочно запустить в район пятна искусственный спутник с телевизионной камерой.

— Три недели... — буркнул Дорошенко.

— В проект решения — три недели! — коротко бросил председатель референту. — Еще замечания есть? Нет? Тогда вас, товарищи, — он взглянул на Виктора и Архипа Степановича, — прошу задержаться. Остальные свободны.

Поднявшись с кресла, Николай Павлович немного помедлил, но Виктор и Архип Степанович направились к председателю.

— Вы регулярно занимаетесь полетами? — спросил Сергей Борисович Виктора. — Я имею в виду авиацию.

— Да, достаточно регулярно, — сдержанно ответил Виктор, потом с подкупающей откровенностью добавил: — Я люблю полеты. Подъемов в космос у меня было всего два, но я продолжаю специальную тренировку для космонавтов.

— А здоровье?

— Жена говорит, что по мне можно проверять приборы, которыми измеряют давление крови. Она у меня медик.

— Спортом занимаетесь?

— Немножко боксом.

Брови председателя взлетели вверх.

— Почему же боксом?.. Или думаете, придется с марсианами драться?

— Нет, — засмеялся Виктор. — Просто много читал о войне. Ну, и хотелось, конечно, быть разведчиком. В институте пригласили в секцию бокса. Так вот и остался драчуном.

— Чемпион города, — сказал Архип Степанович.

Николая Павловича неприятно кольнуло чувство, похожее на ревность. В реплике начальника Виктора прозвучала неприкрытая отцовская гордость. Впрочем, Лена ведь писала, что главный конструктор — приемный отец Виктора или что-то в этом роде.

Бесцельное топтание у кресла становилось смешным,

а Виктор мог задержаться надолго. Николай Павлович подошел к нему, слегка коснулся руки. Виктор оглянулся.

— Будь осторожен, Виктор! — волнуясь, сказал Николай Павлович. — Не горячись. За человечеством людей не забывай... Обдумай все! Ты зайдешь к нам сегодня?

— Да, Николай Павлович... Обязательно! — растерянно сказал Виктор.

И Николай Павлович вспомнил, что никогда прежде не обращался к зятю на «ты»...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В ту ночь в обсерваторию Николая Павловича пришел председатель правительственной комиссии. Вечером в район «Неизвестности» запустили искусственный спутник с телекамерой. Сергей Борисович хотел получить сведения о нем, так сказать, из первоисточников. Сергей Борисович устроился у контрольного приемника станции, которая вела прием сигналов телевизионной камеры спутника. Николай Павлович придвинулся к окуляру телескопа.

— Услуга за услугу, — пошутил он. — Я вам сообщаю, что видно в телескоп, вы мне — что показывает телекамера.

— Договорились, — согласился Сергей Борисович.

Спутник уже вышел на последний виток своей траектории. Вот-вот он должен был встретиться с «Неизвестностью». Николай Павлович не отрывался от окуляра. Механизмы автоматически держали поочередно меркнувшие звезды в поле наблюдения, непрерывно и плавно поворачивая телескоп.

— Да, да... вижу... — услышал он голос Сергея Борисовича. — Видимость на экране прекрасная, — добавил он для Николая Павловича. — Хорошо видно среди звезд и черное пятно довольно крупных размеров.

Крупная звездочка спутника показалась в поле зрения телескопа. Николай Павлович ощутил знакомое спокойствие, приходящее в напряженные минуты наблюдений, на повторение которых рассчитывать не приходилось. Главное сейчас было не пропустить момент наибольшего их сближения. Спутник, как и метеоры, будет отброшен в сторону, но важно — как! Возможно, это силы, имеющие характер гравитационного поля, но с отрицательным знаком. Не исключена возможность и принципиально другого характера взаимодействия. От этого пятна всего можно ожидать! Прохождение мимо него спутника с довольно значительной и точно известной массой должно окончательно решить этот вопрос. Потом он, конечно, проверит все с исчерпывающей точностью на снимках, но сейчас нужно было увидеть общую картину.

Яркая звездочка медленно приближалась к центру поля наблюдения.

— На экране значительные помехи, — сказал Сергей Борисович. — Очень значительные. — Он помолчал, затем

сообщил: — Только — помехи. Совсем ничего не видно, кроме помех. Что у вас, Николай Павлович?

— Сближаются... — успел только сказать Николай Павлович и больше ничего не смог произнести, ошеломленный неожиданностью.

Звездочка спутника стала плавно уходить со своей траектории. Но она отклонялась к пятну! Не от него, как все метеоры до этого, а к нему... И это явно не было простым притяжением масс! Что-то другое, непонятное происходило сейчас наверху... Светящаяся точка ринулась было туда, к «Неизвестности», потом словно испугалась, замедлила движение, остановилась... Там вспыхнула слабая зеленоватая искорка. Свечение было отчетливо видно секунду, другую, третью... Ровное, немерцающее, спокойное... И все исчезло... Ни зеленоватого свечения, ни летящей звездочки уже не было. Ничего!..

— Экран пуст, — изменившимся, напряженным голосом сказал Сергей Борисович. — Ни сигналов, ни помех станция не принимает.

— Спутника больше нет, — торопливо отозвался Николай Павлович.

Автоматы плавно поворачивали телескоп. Николай Павлович еще долго смотрел, как далекие звезды, набегая на пятно, меркли, исчезали, потом, словно освобожденные от плена, радостно вспыхивали вновь. Но спутник исчез безвозвратно.

— «Неизвестность» упряма, — сказал Николай Павлович, вставая. — Она явно не хочет, Сергей Борисович, чтобы мы познали ее. Пятно сожрало наш единственный глаз. Мы снова слепы.

Он коротко рассказал о том, что удалось увидеть.

— Когда мы можем посмотреть снимки? — спросил председатель.

— Через полчаса будут готовы.

Но ни снимки, ни сообщения других обсерваторий не открыли ничего принципиально нового.

Председатель подолгу рассматривал каждый снимок, а Николай Павлович думал о Лене и Викторе.

Виктор отдыхал с Леной и Мишуткой в Ялте.

«Неизвестность» словно предупредила, что шутить с ней опасно. Виктор умчится туда, и, возможно, снова лишь зеленая искорка известит людей о том, что он долетел, что его больше нет. А звезды будут по-прежнему радостно вспыхивать, освобождаясь от плена...

— Я буду настаивать, чтобы задержали полет с наблюдателем, — быстро сказал Николай Павлович. — Как видите, все это очень опасно!

Сергей Борисович отложил снимки в сторону.

— Поэтому, Николай Павлович, профессия разведчика и была во все времена у всех народов почетной, — негромко, но твердо сказал он.

— Не могли бы вы в таком случае помочь мне немедленно улететь в Крым? — спросил Николай Павлович.

— Вас доставят туда специальным самолетом.

* * *

Дни, последовавшие за памятным совещанием, показались Виктору продолжением удивительной сказки. Необычайными были события, и люди вдруг стали богатырями. Конструкторы в белых халатах, чертежники, рабочие — они же сотворили чудо, соорудив ракету в такой небывало короткий срок!..

Море длинными грядами волн набегало на раскаленную белую гальку и снова откатывалось, убаюкивая размеренным рокотом. Теплый ветерок ласковыми порывами освежал лицо. Сухо шурша, покачивались веера пальм.

Ялтинский пляж, сверкая яркими красками, сонно и широко раскинулся на берегу.

Виктор и Мишутка, болтая ногами, лежали на горячих камнях. Рядом в шезлонге, укрыв лицо мохнатым полотенцем, дремала Лена.

Прошло уже пять дней с тех пор, как Виктора буквально вытолкнули в Ялту — отдыхать перед полетом. Сначала покой и тишина, которые царили здесь, показались ему невыносимыми.

Где-то там, далеко отсюда, подходила к концу сборка ракеты и космолета. Сейчас, именно сейчас первую ступень монтировали на стартовом устройстве. И монтаж проходил без него!

Виктор знал, что прошлой ночью была запущена автоматическая станция Дорошенко с телевизионной камерой. Но результаты были ему неизвестны.

Он ничего не знал, ни в чем не участвовал! Он отдыхал!

Это было обидно, как незаслуженное наказание. Но он смирился.

Мишутке наскучило лежать, и он побрел искать развлечений.

Виктор приподнялся на локтях, разыскивая его среди отдыхающих. Мишутка невдалеке что-то сооружал из плоских, как плитки, галек. За его головенкой Виктор увидел большую, сутулую фигуру человека в таком нелепом здесь плаще, в шляпе, надвинутой на глаза, с тяжелой палкой в руках.

И вдруг расслышал:

— Кленов! Виктор Петрович!

У румяной после сна Лены округлились глаза.

— Папа!.. — звонко крикнула она и, вскочив на ноги, стремительно понеслась вдоль берега.

Виктор тоже узнал Николая Павловича. Схватив Мишутку за руку, он поспешил за Леной.

Она, обняв отца, то прижималась лицом к его груди, то заглядывала ему в глаза, улыбалась и торопливо спрашивала:

— Папка, милый... К нам?.. К Виктору?..

А он, целуя и лаская ее, все просил:

— Ну, успокойся... Успокойся... Конечно, к вам... Успокойся.

Виктор остановился в двух шагах от них. Мишутка молчал, сосредоточенно рассматривая мать и деда.

Николай Павлович крепко пожал Виктору руку и потянулся к Мишутке:

— Внучок!..

Но Мишутка, не теряя достоинства, все же быстро спрятался за Виктора. Сегодня он видел деда впервые.

— Что случилось, папа? — тревожно спросила Лена.

— Ничего, дочка, ничего, — торопливо ответил Николай Павлович, огорченно взглянув на Мишутку. — Ты извини, я очень тороплюсь, а разговор у нас будет не... не совсем... для женщин... Ты не сердись, пожалуйста. Мы сможем где-нибудь поговорить, Виктор? — спросил он, недовольно взглянув на толпу отдыхающих.

Виктор поспешил отвести его на тенистую терраску, совершенно безлюдную сейчас.

Он заметил, что Николай Павлович очень встревожен.

Николай Павлович бросил шляпу и плащ на перила, сел в плетеное кресло:

— Сегодня ночью автоматическая станция стартовала...

Он подробно стал описывать Виктору все, что произошло ночью. Потом передохнул, как будто собираясь с силами, и громко закончил:

— Спутник исчез! Растворился. Растаял!..

— Это корабль! Космический корабль! — воскликнул Виктор.

Николай Павлович сердито взглянул на него.

— Для ответа на этот вопрос тебя, кажется, и посылают туда! — Его нахмуренные брови неожиданно разошлись, взгляд потеплел, лицо стало мягким, просящим. — Я поспешил к тебе. Сборка основной ракеты заканчивается. — Он опустил голову и тихо сказал: — Подумай еще раз, Витя... Сергей Борисович просил предупредить тебя обо всем...

Виктор отвернулся и решительно ответил:

— Я буду настаивать на немедленном старте. Именно теперь этот полет стал необходим, как никогда!

Николай Павлович вздохнул и поднял голову.

— Хорошо... — с трудом сказал он. — Мне кажется, Лену и Мишутку надо отправить к нам, в Москву. Вам все равно в эти последние дни, очевидно, не удастся быть вместе. Все же они будут не одни.

— Вы правы... — согласился Виктор.

— А теперь позови, пожалуйста, Лену. Мы немедленно вылетим.

Виктор сошел с терраски и в недоумении огляделся вокруг.

Солнечными дрожащими пятнами сверкало море. Загорелые волейболисты гонялись за мячом. Веселой струйкой лился фонтанчик пресной воды. Стройная девушка покупала мороженое.

На этом горячем солнечном пляже трудно было представить себе, что на свете есть что-то непонятное, мрачное и опасное. И сразу все, чем угрожал космос и его будущий

полет, показалось Виктору совершенно невозможным, нереальным. Он даже испугался этого чувства.

Подбежала встревоженная Лена:

— Вик, милый, что?..

Он засмеялся и, обняв ее, увлек от терраски.

— Все будет хорошо, Ленточка! Поговори с отцом. Я тоже полечу с вами. Но только... Когда поговоришь с ним, приходите на берег. Мы заплывем с тобой далеко-далеко и будем целый час качаться на волнах в открытом море. Вдвоем!.. А потом уже — на самолет! Хорошо?

Она молча кивнула, не спуская с него тревожного взгляда.

ЗЕЛЕНОЕ СВЕЧЕНИЕ

Напряженный голос в наушниках сказал:

— До старта осталось тридцать секунд!

Виктор поправил руками гермошлем и удобнее расположился на сиденье. Он даже не волновался. Только внутри все ныло от тягостного ожидания. Автоматы без его участия выведут космолет на орбиту. Он будет пока лишь пассажиром.

— Двадцать секунд!..

Он сам видел это по вздрагивающей, непреклонно движущейся стрелке. Но связь с людьми, которые остались за стенками ракеты, сейчас ободряла, не оставляя места чувству одиночества.

— Десять секунд!..

Стрелка перескакивает последние деления:

— Пять секунд!.. Счастливо возвратиться! Старт!!!

Дикое, невероятно громкое шипение пороховых двигателей оглушило его. Сиденье ударило сзади, пытаясь сбросить вперед, но не бросало, а все сильнее прижимало, давило... Кисти рук налились кровью, стали тяжелыми, в шейных позвонках появилась ноющая боль, хотелось удобнее положить голову, но он знал, что двигаться сейчас нельзя. Боль в позвоночнике еще усилилась, но страха не было. Чувств вообще не было. Осталась только невероятная давящая тяжесть и шипение выбрасываемых струй, оглушающее, пронизывающее все тело... Все это он испытал уже не раз... И несколько лет назад, проходя специальную подготовку для космонавтов... И недавно — снова... Тренажеры... Центрифуги... Вибростенды... Но нагрузка на этот раз была больше. Неожиданно он уловил, что мучительное шипение перешло в свист. Это включилась первая ступень. Потом свист сменился тяжелым грохотом основных ракетных двигателей. Начала работать вторая ступень. Она работала долго, томительно долго... Потом все дрогнуло, и грохот скачком

переместился еще ближе, навис над головой... Работала третья ступень. Она грохотала, давила, и не было сил взглянуть на хронометр.

И вдруг — ничего... Совсем ничего: ни тяжести, ни мучительного ожидания. Он только почувствовал, что падает. В глубокой мертвой тишине и он, и кресло, и космолет падали вниз, стремительно неслись в пропасть. Он хорошо знал это ощущение по затяжным прыжкам с парашютом... Внизу тысячи километров пустоты! И он проваливался в нее. Дыхание перехватило, но он сразу понял: космолет вышел на орбиту! Начался свободный полет, лишенный тяжести. Это было падение, но падение по рассчитанной орбите, падение вокруг Земли!

И дыхание и сердце все еще работали учащенно, рывками, но Виктор упрямо твердил себе: «Не падаю, а лечу, лечу, лечу!..» Понемногу он успокоился и взглянул в иллюминатор. По черному стеклу медленно ползли россыпи звезд, все с одинаковой скоростью, в одном направлении. Они не мерцали. Такими они бывают лишь в Сибири в очень морозную ночь. Виктор подумал о мертвом холоде, от которого его отделяла лишь тонкая стенка. Его охватило чувство одиночества.

Он быстро включил микрофон. Рука была удивительно легкой, движения неощутимыми, как во сне.

— Внимание! — сказал Виктор неожиданно хриплым, чужим голосом, кашлянул и еще раз сказал: — Внимание! Говорит Кленов...

Он улыбнулся, вспомнив, что миллионы людей услышали сейчас его голос. Услышала и Лена. Может быть, и Мишутка слушает. Он четко произнес:

— Космолет на орбите. Ненормальностей в полете нет. Самочувствие хорошее. Самочувствие хорошее. Перехожу на прием.

В уши ударили свист, завывания и шумы. И голос. Человеческий голос:

— Как чувствуешь себя? Повтори — как чувствуешь? Как чувствуешь? Прием.

Виктор узнал капитана Никитина, летчика-космонавта, который вслед за майором Мамедовым недавно повторил облет Луны. Их кандидатуры вместе с десятками кандидатур других космонавтов обсуждались в те дни, когда решался вопрос, кому доверить полет на этот раз.

Никитин и Мамедов стали потом самыми придирчивыми его тренерами. Никитин, видимо, и сейчас не снимал с Виктора своей опеки.

— Хорошо чувствую! Хорошо! — улыбаясь, крикнул Виктор.

И снова голос Никитина загремел в наушниках:

— Ты отдыхай! Слышишь? Отдыхай! Не думай. Не чувствуй. Отдыхай. Дыши глубоко. Можешь увеличить содержание кислорода. Мы тебе по запасному каналу музыку дадим. Музыку слушай! Что тебе завести?

— Нашу... Ту, что на полигоне пели, — про жизнь...

— Понял! Сейчас спрошу... Минутку... Есть!

Виктор немного увеличил содержание кислорода в воздухе, поступающем в скафандр, расслабил тело.

В наушниках зазвучал сильный мужской голос:

Я люблю тебя жизнь,
Что само по себе и не ново...

Виктор снова посмотрел в черный иллюминатор. Звезды все так же медленно ползли по стеклу. Очень медленно и скучно. И Виктору вдруг захотелось, чтобы космолет поскорее вырвался на освещенную солнцем сторону Земли. Увидеть материки и океаны... Голубую дымку Земли... Цветной ореол вокруг нее, о котором с таким восторгом говорил каждый, кто возвращался из космоса...

Через час космолет должен был встретиться с «Неизвестностью».

* * *

Мама и бабушка сидели перед приемником. Лица у них были неподвижные и бледные. Приемник тихо гудел. Мишутке казалось, что они его боятся.

Он тихонько подошел к маме и тронул ее за руку. Она вздрогнула, быстро взглянула на него и молча прижала его голову к себе.

В это время приемник сказал знакомым голосом:

— Пятно быстро приближается. Оно занимает теперь почти все поле иллюминатора.

— Папа! — обрадованно закричал Мишутка, вырываясь из маминых рук. — Он по радио выступает? Да?

— Тихо ты! — испуганно крикнула бабушка. — Леночка, его нужно увести...

— Да тише вы!.. — простонала мама, сжимая на коленях руки и еще больше бледнея.

Мишутка испугался. Такой чужой, незнакомой мама никогда не была. Он прижался к ней, заглядывая в лицо, но она не шевельнулась.

— Звезды забегают за него и исчезают, — снова сказал приемник папиным голосом. — Через несколько секунд они появляются с противоположной стороны.

В приемнике что-то затрещало. Мама дышала глубоко и часто, а ее круглые глаза не отрываясь смотрели на приемник. Мишутке стало совсем страшно.

— Мама, — тихо позвал Мишутка. — Ну, мама!..

Сквозь завывание вырвался папин голос:

— Внимание!.. — Потом раздался оглушительный свист, и снова папин голос: — В центре зеленое тусклое свечение... Космолет получил ускорение!

Приемник завыл, пронзительно свистнул и смолк. В комнате стало тихо-тихо. Мама глядела на приемник не дыша. Но он молчал.

ЗАЧЕМ ОНИ?..

Когда в центре темного пятна вспыхнул зеленый свет и космолет сам, набирая скорость, понесся к нему, Виктор быстро положил руку на тумблер. Однако щелчка теперь было достаточно, чтобы двигатели выбросили вперед мощную огненную струю. Тогда космолет, преодолев эту притягивающую силу, унесся бы прочь. Но в тот же момент Виктор заметил, что зеленый свет идет из круглого отверстия, окруженного створками огромной диафрагмы. Это был космический корабль! Рука на тумблере замерла... Не переставая кричать в микрофон, он позволил втянуть космолет внутрь корабля.

Теперь щелчок тумблера был бы смертельным. Космолет окружали стены. Он взглянул на руку, поспешно отдернул ее и через второй иллюминатор увидел, как створчатая диафрагма медленно закрыла вход. Виктор хотел крикнуть об этом в микрофон, но понял, что связь с Землей прервана стенками корабля.

Тогда он снова прильнул к стеклу иллюминатора.

Космолет неподвижно висел внутри большого зала, слабо освещенного рассеянным зеленовато-голубым светом. Внезапно все вокруг загрохотало, как будто по железнодорожному мосту над головой несся тяжело груженный состав. Зал оставался пустым. Это продолжалось минут пять. Виктор напряженно вглядывался в постепенно густеющую бирюзу за стеклом. Грохот так же внезапно смолк. В дальней стене зала открылся квадратный люк, и из него стали выскакивать яркие стремительные тела.

Сначала Виктору показалось, что это огромные цветы. У каждого из них впереди пышной короной трепетали пурпурные плоские лепестки, окруженные круглым веером гибких лиан. Этот трепетный венец переходил в продолговатое, полупрозрачное, без резкого контура тело, которое сгущалось по бокам, образуя тонкие неподвижные крылья. Сзади тело переходило в плоский, раздвоенный, как у ласточки, хвост.

Величиной хозяева корабля были чуть поменьше человека. Они постепенно наполняли зал, окружая космолет. Несмотря на охватившее Виктора тревожное напряжение, он невольно залюбовался их ярким красочным хороводом. Рассеянный бирюзовый свет и полная, не нарушаемая ни одним звуком тишина создавали впечатление, что он стал свидетелем таинственной сказочной феерии. Казалось, стоит лишь пошевелиться, громко крикнуть — и все это исчезнет, окажется красивым сном.

В гибких отростках, трехпалых на концах, которые были,

очевидно, их щупальцами или руками, хозяева корабля несли какие-то приборы.

Виктор почувствовал, что ему жарко. Он мельком взглянул на термометр. Температура воздуха, поступающего в скафандр, была тридцать два градуса и быстро повышалась.

Существа за стеклом производили приборами какие-то операции, прикладывая некоторые из них к поверхности космолета, с другими манипулировали на расстоянии.

В передней части тела у каждого из них Виктор заметил еще по два выступа, торчащих, как рóжки. Хоровод этих непонятных существ становился все гуще. Некоторые, очевидно, просто глазели, медленно перемещаясь вокруг космолета и выставив свои рожки, как бы собираясь бодаться. Хозяева корабля, по-видимому, были не лишены любопытства.

Внезапно раздалось басовитое гудение. Это автоматически включилась система охлаждения космолета. Виктор еще раз взглянул на приборную доску и удивился. Температура на наружной поверхности космолета, то есть в зале, где летали эти живые цветы, была выше ста градусов! «Что делать?» — с ужасом подумал Виктор. Расходовалась энергия холодильников, необходимая для обратного пути на Землю! Ее хватит едва на полчаса работы. А потом...

Но другого выхода не было. Охлаждение позволяло растянуть время. Не могут же они не видеть, что он внутри космолета? Ведь это определенно разумные существа!

Виктор снова посмотрел в иллюминатор. Да, это были разумные существа, владеющие техникой. Ему вспомнилось слово «сапиенс», которым древние римляне отличали способность мыслить, разумно вести себя. Слово подходило к этим существам. Не люди, но разумные, сапиенсы...

Некоторые, закончив, очевидно, измерения, исчезали в черноте люка, на смену им выскакивали другие. Но человек их определенно не интересовал. Во всяком случае, к иллюминаторам ни один из них не приближался.

Виктору стало жутко. Холодильники ровно гудели, секундная стрелка хронометра беззвучно скакала по кругу. Сапиенсы продолжали кружить вокруг космолета. Он подумал о Земле. Что там творится сейчас?! Ведь он бесследно исчез для них! Что сейчас с Леной? Какой отклик вызовет на Земле его гибель, такая, в сущности, глупая и несуразная...

В гудении холодильников появился новый, страшный тон, Виктор напрягся не веря. Но звук падал, утихал, замирал...

Потом наступила звенящая невыносимая тишина.

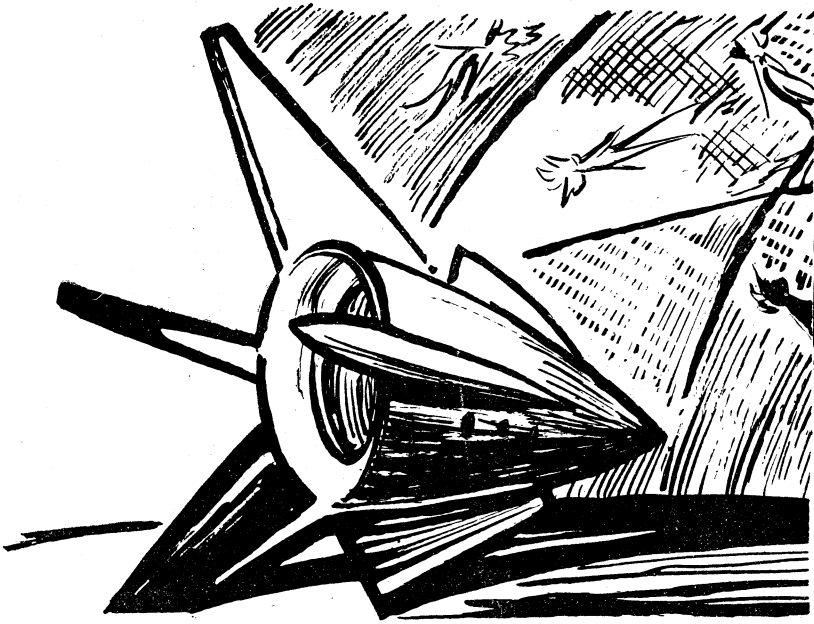
Цветы за стеклом иллюминатора продолжали свой танец.

Виктора охватило отчаяние. Неужели они будут любоваться его агонией? Может, зажарят, подсушат и потом, не торопясь, исследуют, чем он был до смерти?

Температура повышалась.

Почему они медлят?!

И он с предельной ясностью понял, что там, перед створ-



чатой диафрагмой, надо было, обязательно надо было нажать тумблер, вырваться, умчаться прочь... Воспоминание о тумблере мгновенно натолкнуло на решение. Включить тумблер! Одно движение... Одно движение пальца, и космолет врежется в стены этого нелепого корабля! По крайней мере мгновенная смерть...

Виктор быстро поднес руку к блестящему шарику тумблера и... отдернул ее.

Спокойно!.. Нельзя!

А почему нельзя?! Может, они несут смерть всем людям? Космолет прошьет корабль, и холод космоса выморозит их, как тараканов. Там, внизу, — Лена, Мишутка, все... Ну? Ради них!..

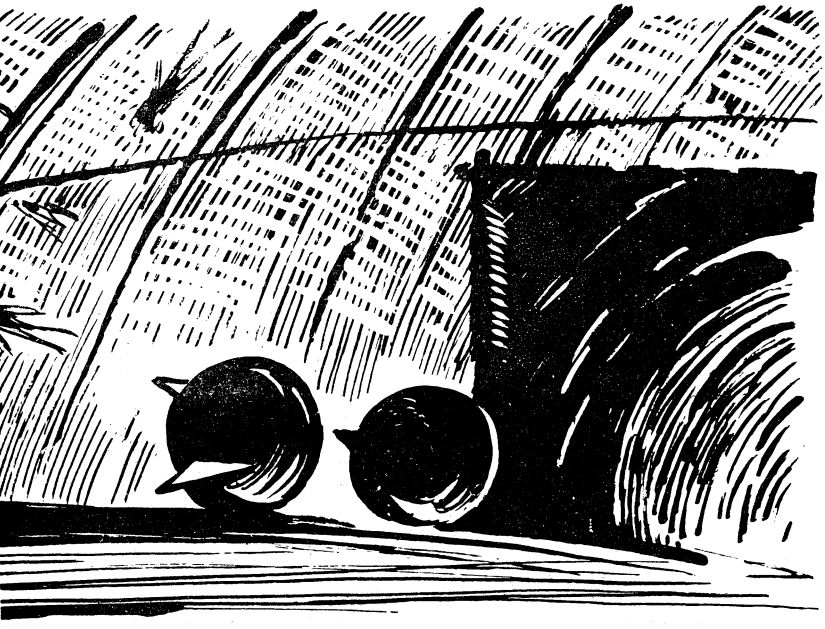
Он снова поднял руку и опять не смог сделать это последнее простое движение.

Зачем они здесь? Зачем?.. А что, если они мирные вестники новых знаний?

Может, они десятки лет несли через космос, преодолев все опасности и преграды, привет других миров. Они донесли, победили, а он убьет их сейчас. Он, перетрусивший посланник людей!

Если бы знать!.. Если бы понять!..

Воздух при вдохе обжигал грудь и со свистом вырывался наружу. Тело стало вялым и тяжелым. Сознание меркло.



Ему стало очень жаль себя. И жаль было убивать этих красивых рогатиков.

Последним усилием Виктор встряхнулся, приоткрыл веки, увидел яркие тела, стремительно исчезающие в черном квадратном люке...

ТЕНИ В АКВАРИУМЕ

Несколько сильных толчков заставили Виктора открыть глаза.

Через иллюминатор он увидел два огромных, метра три в поперечнике, матово-черных шара. Они медленно плыли к темному люку в дальней стене зала, и космолет мелкими рывками послушно следовал за ними, как на привязи. Виктор взглянул на термометр. Он показывал шестнадцать градусов выше нуля.

Воздух был очень тяжелым и спертым. Виктор быстро свинтил гермошлем. Но чистого воздуха в кабине хватит лишь на пятнадцать-двадцать минут. Стрелка манометра показывала, что запас кислорода в баллонах израсходован.

Тело было слабым и вялым, но мысли — ясными и чистыми.

Да, это не люди, но... сапиенсы.

А почему они должны быть людьми, иметь руки, ноги, глаза? Зачем природе повторяться? У нее бесконечно много возможностей избежать этого.

Это ясно.

Ясно также, что они существуют при очень высокой температуре. Сейчас в этот зал, где они определенно умерили жару, сапиенсы отправились в герметических шарах.

Да, темпераментные существа! Впрочем, и на Земле даже в кипящих подземных источниках обнаруживают жизнь.

И самое главное, наконец, стало ясным: они, по-видимому, не собирались ни убивать его, ни уничтожать человечество. Они пригласили его для переговоров! Приглашение, правда, было весьма оригинальным, даже несколько бесцеремонным, но и условия здесь, мягко выражаясь, не для дипломатов.

Сапиенсы обработали показания своих приборов, выяснили, что ему нужно, чтобы он не протянул ноги у них в гостях, и теперь настойчиво приглашали его в свою гостиную.

К нему вернулось хорошее настроение. Он взглянул на блестящий шарик тумблера и хитро подмигнул ему.

Шары, а за ними и космолет нырнули в люк. Стало темно. Толчки и движение не прекращались. Через несколько минут снова появился свет. Космолет проплыл в другое помещение, гораздо меньшее, чем первый зал. Бирюзовый свет проникал сюда через одну из стен, сделанную из прозрачного материала. За ней в зеленоватом мареве мелькали фигурки сапиенсов, похожие на ярких актиний в слабо освещенном аквариуме.

Шары отвели космолет к круглому постаменту, корпус резко дернулся, дрогнул от сильного удара и неподвижно застыл, притянутый, очевидно, сильным магнитом площадки. Сверху к корпусу приблизилась длинная тонкая игла, раздалось слабое жужжание. Игла легко, как бумагу, прошила сталь оболочки, острие ее на секунду показалось у Виктора перед глазами и исчезло, оставив круглую дырочку, через которую ворвалась сильная струя свежего воздуха.

Только теперь Виктор понял, каким тяжелым стал воздух внутри космолета.

Он хватал струю губами, подставлял лицо, вдыхал, вдыхал, то глубоко, всей грудью, то начинал дышать, часто-часто, чувствуя, что струя ослабевает.

Сапиенсы приготовили для своего гостя чудесный воздух!

Потом Виктор подтянулся к выходному люку. Резьба прошла последний виток, он отбросил крышку и выпрыгнул наружу...

Но он не выпрыгнул, а вылетел... Как можно было забыть, что здесь нет тяжести! Виктор, кувыркаясь, понесся из люка прямо к противоположной стене, мимо одного из шаров, пахнувшего на него теплом.

Некоторое время он барахтался в воздухе, стараясь не прикасаться к стене, которая была горяча, как кружка с кипятком, чувствуя себя до смешного беспомощным и неуклюжим. Вдоль стены шел сильный поток теплого воздуха, который увлекал его в угол.

Тени сапиенсов прильнули к прозрачной перегородке, оба шара приблизились к нему и повисли рядом.

Наконец это барахтание разозлило Виктора, и он, скрестив руки на груди, нахмурил брови, стараясь придать себе хоть сколько-нибудь солидный вид. Ведь он, черт возьми, представлял здесь человечество!

Шары одновременно, как по команде, двинулись к отверстию, нырнули в него, оно защелкнулось, и в комнате стало пусто. Виктор начал медленно падать на одну из стен. Тяжесть становилась все сильнее, он шлепнулся на стену, ставшую теперь для него полом, и вскочил на ноги. Тяжесть стала заметной и все возрастала. Он почувствовал слабость, зашумело в ушах, аквариум быстро накренился, пол встал дыбом и больно хлестнул его сбоку. Оказалось, что он лежит на нем.

Нарастание тяжести прекратилось.

Несколько минут стояла напряженная тишина.

Что-то глухо стукнуло у него за спиной, еще и еще раз. Он оглянулся. Черная блестящая змея, толщиной в палец, странно длинная, с большой красной безглазой каплей-головой судорожно дернулась в углу зала, потом метнулась и вытянулась на полу, на глазах утолщаясь, напрягаясь, как пожарный шланг. Виктор вскочил...

Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что это не змея, а длинный гибкий шланг, в который под давлением что-то нагнетали.

Пурпурный цилиндрический наконечник на шланге разбухал, пока не стал похожим на огромную грушу, потом груша отделилась от шланга и, немного покачавшись, осталась неподвижно лежать на полу.

Сейчас же вокруг Виктора запрыгал веселый зайчик яркого белого света. Он сделал несколько кругов, как бы привлекая к себе внимание, а затем прыгнул на грушу и неподвижно застыл на ней.

Очевидно, сапиенсы что-то передали ему в этой груше.

На ее металлическом горлышке была видна блестящая пластинка. Как только Виктор нажал на нее, из горлышка брызнула тонкая струйка ароматной пурпурной жидкости.

Это была, по-видимому, питательная жидкость, пища, которую прислали ему сапиенсы.

Желудок свела спазма, острая боль пронзила сухое горло. Виктор присосался к трубочке, нажал пластинку и стал глотать, глотать, глотать... Изредка, не отрываясь от трубки, он смотрел на сапиенсов за перегородкой, но они все так же неподвижно висели в бирюзовом аквариуме. Только зайчик на полу теперь спокойно описывал окружности.

Все было, значит, хорошо, правильно.

Жидкость была очень вкусной и ароматной, кисло-сладкой, напоминающей одновременно и вишневый сок и очень жидкий кондитерский крем. «А сапиенсы, оказывается, лакомки», — повеселев, подумал Виктор и все глотал этот нектар.

Груша быстро уменьшалась и превратилась, наконец, в прозрачную пленку на цилиндрическом горлышке. Виктор оторвался от трубки и посмотрел на своих хозяев. Сейчас же светлый зайчик оказался у шланга. Виктор приставил к наконечнику блестящий цилиндрик, раздался легкий щелчок, и горлышко плотно прижалось краями к шлангу. Шланг начал набухать, пленка постепенно превратилась в прежнюю пурпурную грушу.

Виктор улыбнулся. Сапиенсы собирались кормить его, как в санатории!

Осушив грушу несколько раз, он уселся на теплом полу, скрестил по-восточному ноги и приветливо помахал аквариуму обеими руками. Голова все еще кружилась, и в ушах звенело, но слабости не было. Он чувствовал даже веселое возбуждение, как после бокала легкого приятного вина. Им овладело мальчишеское озорное настроение.

— Ну что ж, друзья, — бодро сказал он. — Давайте беседовать. Только я, чур, буду по-русски.

Его речь неожиданно произвела на сапиенсов сильное впечатление. Тени стали быстро раскачиваться, как будто они беззвучно загалдели все сразу, потом один сапиенс приблизился к перегородке, нацелив на Виктора какой-то прибор, и все они снова замерли.

Только на приборе ритмично вспыхивали искорки.

— Я — человек. Человек с Земли, — громко сказал Виктор и пояснил по-английски: — I'm a man! — но тут же усмехнулся нелепости своего перевода.

Сапиенсы снова заволновались, а искорки на приборе все так же вспыхивали и гасли.

Очевидно, надо было говорить еще.

— Зачем вы здесь? — неожиданно спросил Виктор и даже смутился, настолько странно звучали обычные слова в этом помещении, освещенном бирюзовым рассеянным светом. Потом опять улыбнулся: не все ли равно сапиенсам, что он будет говорить? — и стал быстро произносить все, что приходило на ум:

— Мир. Дружба. Разум. Ну, что вам еще сказать? Дружить, понимаете? Не делать глупостей...

Искорки на приборе погасли, тени быстро замелькали, собираясь небольшими меняющимися группами, и, постепенно удаляясь, растаяли. Лишь одна неподвижно замерла у перегородки.

Зайчик света заплясал на полу и прыгнул по обшивке космолета в открытый люк, очевидно приглашая и Виктора удалиться на покой.

Это было очень кстати. Возбуждение сменилось у него сонливостью, глаза приходилось таращить, чтобы веки не

закрывались сами собой. Кое-как, уже в полусне, он добрел до люка, забрался внутрь и упал в кресло.

Последним усилием Виктор на всякий случай притянул себя к сиденью ремнями и крепко уснул.

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Неясная тревога, ощущение важного и неотложного дела разбудили его. В темноте слабо светился зеленовато-голубой овал.

Виктор вспомнил прощание на Земле, стремительный взлет, межзвездный корабль, блестящий шарик тумблера, пурпурный напиток сапиенсов, свое вдохновенное обращение к ним в пользу мира и в недоумении замер... Неужели все это действительно было?!.

Он попытался встать, но ремни крепко держали в кресле. Это сразу убедило его, что память сохранила действительные события.

Быстро отстегнув ремни, Виктор выпрыгнул наружу.

Все было спокойно. Тень наблюдателя неподвижно маячила за перегородкой.

Взглянув на черный шланг, он вспомнил, как испугался его, и улыбнулся. Но тяжелое, гнетущее чувство не уходило. Он был один в этом осколке чужого, далекого мира, беспомощный, во власти незнакомых таинственных существ. Они обладали разумом, но какими были их чувства, их мораль, их отношение к другим живым существам? От этого зависело многое на Земле, судьба его близких, его жизнь, от этого зависело сейчас все!

Виктор хмуро огляделся вокруг.

На полу у одной из стен он увидел желтый аппарат, связанный ниточками проводов с предметом, напоминавшим тюбетейку или чашу. Он внимательно осмотрел аппарат и пощупал его.

Аквариум уже был полон сапиенсами. Они выплывали из полупрозрачной глубины еще и еще... Один из них, быстро взмахивая щупальцами-руками, надел себе на спину какое-то седло и затем медленно приблизился к перегородке, устремив на Виктора рожки. В его пестром наряде, кроме общих для всех пурпурных и коричневых тонов, выделялись матово-черные окантовки лепестков и белые, сверкающие, как освещенный солнцем снег, рожки. В медлительности сапиенса чувствовалось напряжение, даже торжественность. Остальные тени неподвижно висели на почтительном расстоянии.

Готовилось, очевидно, что-то ответственное и важное.

Зайчик на полу метнулся к желтому прибору. Виктор взглянул туда. В воздухе замелькали какие-то блики, и он увидел себя в космическом скафандре, который делал его похожим на фантастическое земноводное.

Что это? Какое-то его отображение?

Нет! Его двойник наклонился к аппарату, взял в руки

тюбетейку и надел себе на голову. И вместе с тем тюбетейка продолжала лежать у прибора. Затем призрак исчез.

Виктор оглянулся и увидел замершие тени в аквариуме. Они чего-то ждали от него.

Он осторожно наклонился и взял тюбетейку.

Зайчик на полу радостно метнулся, описывая окружности. Значит, он делал именно то, что нужно.

Виктор плотно натянул тюбетейку, примяв волосы.

Зайчик продолжал вычерчивать окружности. Все правильно. Ну, а дальше что?

Он вспомнил неподвижные ожидающие тени, и они появились перед ним в воздухе. Еще более неясные, чем в действительности, схематичные, без деталей, но это были определенно они — те, о которых он думал!

Полузакрыв глаза, Виктор постарался как можно ярче представить себе фигуру того из них, белорогого, который, взмахивая щупальцами, оседлал себя прибором, и он сейчас же смутно вырисовался из мелькающих бликов.

Неужели образы, возникающие у него в мозгу, переносятся на этот невидимый экран?

Темные блики лихорадочно заплясали...

Виктор напряженно старался унять волнение, успокоить пляску мыслей, сосредоточиться на каком-то одном образе. На миг ему это удалось, и перед ним мелькнула фигура Лены, ее грустное лицо и печальные глаза — такие, какими они остались в его памяти в момент расставания. Потом появилась стартовая площадка перед запуском... Напряженные глаза Дорошенко... Опять неподвижные тени за перегородкой... Потом все смешалось...

Он обернулся. Его хозяева торопливо раскачивались, перескакивая с места на место, и в их немой суете чувствовалось то же радостное возбуждение, которое охватило и Виктора.

Опыт удался! Сапиенсы нашли с ним общий язык!

Правда, это был очень ограниченный язык — язык образов, картинок, а не слов. На нем можно было сказать лишь «яблоня» или «сосна», а не «дерево», на нем не скажешь «вы нравитесь мне» или «добро пожаловать!». Но все же это язык!

Снова сосредоточиться Виктору не удалось. Призраки мелькали, плясали, смешивались. Он устал от этого непривычного напряжения, сдернул с головы тюбетейку и, обернувшись к своим собеседникам, сказал:

— Не могу, дорогие... Дайте немного успокоиться.

Тени сапиенсов быстро качнулись к одной, которая виднелась несколько в стороне. Она задвигала щупальцами над другим прибором, а остальные, как будто ожидая, замерли. Через минуту тень у прибора прекратила возню, сапиенсы повернулись к Виктору, и он услышал в мертвой тишине громкий ясный голос:

— Не, могу, дорогие, дайте, немного, успокоиться.

Виктор задохнулся...

Голос был не его. Это был вообще не человеческий голос! Довольно низкий, совершенно лишенный какого-либо выра-

жения, он произносил каждое слово, как отдельную фразу, механически воспроизводя лишь основу, внутренний каркас звуков.

Это был голос прибора! Но их прибора! Их голос!..

Потрясенный этими звуками до немоты, Виктор только через некоторое время растерянно прошептал:

— Ну, рогатики!.. Ну, молодцы!..

Снова замелькали щупальца, тени качнулись и замерли, и механизм повторил ему эти слова, но не восхищенным шепотом, как произнес их Виктор, а четко, громко, ясно.

И сразу же в углу у желтого прибора появился большой ярко освещенный с одной стороны шар, медленно вращающийся в черной пустоте на фоне ярких созвездий. На его освещенной стороне вырисовывались контуры Восточной Азии и Австралии, полузакрытые крупными массивами облаков. Это была Земля, такая, какой она представлялась отсюда, из космического пространства.

— Земля! — сказал Виктор, повернувшись к перегородке, и через минуту аппарат повторил:

— Земля.

Они нашли путь и к настоящему языку!

А в воздухе уже появились сверкающий диск Солнца, затем серп Луны, звезды, круг, треугольник, другие геометрические фигуры, потом его глаза, рот, уши, руки, десятки изображений, и он громко называл их, а механический голос повторял слова. Затем, надев тюбетейку, Виктор вызывал картины моря, леса, ракеты-носителя, космолета, осьминога, петуха, телевизора, еще и еще самые различные изображения, совершенно бессистемно, сумбурно, не успевая называть их и с трудом задерживаясь на одном образе... Наконец картинки в воздухе опять замельтешили, стали совсем неразборчивыми. Он сбросил с головы тюбетейку и сказал:

— Все!.. Устал!..

Его хозяева тоже, по-видимому, считали, что для первого раза они поговорили вполне достаточно. Один за другим сапиенсы медленно растаяли в зеленом мареве.

Виктор следил за ними со смешанным чувством облегчения и сожаления. Он устал от этого необычного сеанса, и все же было досадно, что разговор окончился.

ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ ЧУВСТВА

Через несколько часов сапиенсы продолжили упражнения.

Теперь за сеанс Виктор научил их доброй сотне слов, называя не только предметы, но и глаголы, наречия, математические термины, цифры, постарался передать основные грамматические понятия, произнес простейшие фразы. А в конце сеанса, демонстрируя, очевидно, способность сапиенсов самостоятельно строить речь, аппарат произнес: «Земля, есть, шар», хотя Виктор и не говорил этой фразы.

Затем сапиенсы, используя уже известные им слова, но главным образом разные изображения, прочитали ему пер-

вую лекцию, которую посвятили своей анатомии и физиологии. Одновременно Виктор старался для каждого нового образа и понятия, которое становилось ясным для него, подобрать подходящее слово в русском языке.

Оказалось, что вдоль туловища у сапиенсов расположен пластичный кольцевой мешок. Втягивая через вибрирующие органы, которые Виктор принял за пурпурные лепестки, окружающую их атмосферу и сокращая мышцы мешка, сапиенс с силой выбрасывал назад сильную струю. Такие движения производились очень быстро, неуловимо для глаза, поэтому контур их тел и казался ему расплывчатым. Истечение струи создавало отталкивающую силу, которая держала их в полете. Отклоняя раздвоенным хвостом вытекающий поток в сторону, они могли быстро менять направление полета.

Вибрирующий мешок был для них и органом дыхания. Движение обеспечивало им и пищу, потому что среда, в которой жили сапиенсы, была наполнена мельчайшими живыми существами. Они отфильтровывались во входных лепестках и поглощались организмом.

Никаких запасов пищи в организме, чего-либо подобного жирам, у сапиенсов не было, поэтому им нужен был непрерывный приток пищи, как людям — кислород.

Но особенно поразило Виктора их восприятие мира.

Чувствовали мир сапиенсы только через электромагнитные поля. Но зато как чувствовали!.. Их рожки были, по существу, двумя антеннами, которые воспринимали испускаемые и отраженные телами электромагнитные волны в очень широком диапазоне: и жесткое рентгеновское излучение, и видимый свет, и инфракрасные тепловые лучи, и радиоволны. Очень своеобразные внутренние органы и нервная система анализировали эти колебания, и мозг воспринимал внешние образы, получая на расстоянии представления не только о форме, но и о температуре и даже о химическом составе тел; причем как бы заглядывая внутрь их, воспринимая объемы, а не поверхности.

Виктор попытался представить себе такое восприятие и невольно позавидовал ему. Сапиенсы полнее, чем люди, видели мир! Именно видели, потому что человеческий глаз тоже анализирует электромагнитные колебания, свет, но в очень узком диапазоне волн, получая представление лишь о форме освещенной поверхности. Представления сапиенсов о предметах были гораздо богаче. Для научного исследования мира они имели явно больше возможностей, чем люди!

Процессы мышления, памяти и координации движений у сапиенсов были совершенно такими же, как и у людей. И вместе с тем как своеобразно происходил у них обмен мыслями!

Сапиенсы совсем не производили звуков! Сложные электромагнитные процессы, сопровождающие мышление, через те же рожки-антенны передавались другим сапиенсам, заставляя мозг собеседника видеть картину во всей ее сложности. Кроме этого, специальные клетки мозга излучали сигналы другого рода — отвлеченные слова, понятия. Сапи-

енсы при разговоре как бы смотрели кинофильм, сопровождаемый текстом.

При этом восприятие чужих мыслей у каждого из них регулировалось волей и желанием и даже настраивалось на того или иного собеседника, а трансляция мышления шла непрерывно: этот процесс от желания не зависел.

Когда Виктор понял это, у него мелькнула озорная мысль: «А ведь этак им, пожалуй, и соврать, беднягам, не удается!» Потом он отнесся к этой природной правдивости своих хозяев серьезнее. Такие существа должны иметь совершенно здоровую мораль. Среди них не могло быть мошенников, заговорщиков, преступников, ревнивцев...

Мысли, открытые для всех! Как это все же хорошо!..

Вместе с тем сапиенсы были эмоциональными существами. Они знали радость, печаль, гнев.

Но любовь их оказалась довольно-таки трудной!

Виктор не сразу даже решился назвать это любовью, настолько своеобразными были их электромагнитные влечения. Но это была, конечно, их любовь.

Сложные нервные и чувственные процессы, в совокупности очень индивидуальные, создавали каждому сапиенсу характерный, лишь ему одному присущий тон электромагнитного звучания. Иначе, как звучанием, это трудно было назвать. Излучение сапиенса образовывало сложное переплетение амплитуд и частот с особыми для каждого из них, неповторимыми группами волн. Переведенные в звуковые колебания, они прозвучали бы сложной мелодией. Это была личная песнь души, по-сапиенсовски красивая или безобразная, но своя, открытая, честная, понятная всем. Виктор слабо улавливал ее в переливах оттенков этих живых цветов, но для сапиенсов она звучала несравненно шире, богаче, полнее. Созвучие или диссонанс песен рождали между ними дружбу, симпатию или неприязнь. А когда песни двух разнополых существ сливались в полную гармонию, дополняя друг друга до совершенства, их охватывало непреодолимое желание быть вместе, чтобы всегда звучала для себя и для других эта единая красивая музыка слитых чувств. Тогда, только тогда и приходила к ним потребность продолжать жизнь в подобных себе существах.

Встретить, найти среди миллионов других песен только одну созвучную мелодию чувств было для них всегда мучительно желанной целью, которой далеко не каждому удавалось достичь. Без этой встречи не могло быть и радости любви.

Но в том, что песня именно та, единственная, сапиенсы никогда не ошибались...

Виктор постарался ответить им такой же обстоятельной лекцией о человеческом теле и чувствах, но изображения у него получались все еще торопливыми и неясными. Он быстро устал и огорченно снял с головы тюбетейку.

Сапиенсы не настаивали на продолжении разговора и мирно удалились.

А Виктора охватила досада. Люди на Земле все еще ничего не знали о сапиенсах. И что, в сущности, знал он?

Узнал он, зачем они здесь? Нет. А если и узнает — сможет передать на Землю? Без согласия сапиенсов — нет. Может быть, действительно эти пришельцы готовят сейчас людям мрачный сюрприз? А он доверчиво передавал им все сведения о Земле...

Ему снова стало страшно.

НЕСПОКОЙНАЯ РОДИНА

Теперь Виктор не решался прямо спросить сапиенсов о цели их полета к Земле. Он хотел понять это исподволь, не возбуждая подозрений.

Проблема общего языка с существами иного мира оказалась не такой простой, как показалось ему сначала.

Некоторые человеческие понятия были просто чужды их мышлению. Что значит «добро» и «зло»? «Полезное» и «вредное» — это было понятно им. А «зло»? Специально, сознательно делать «вредное»?! Но это же лишено всякого смысла! Виктор терпеливо объяснял, а сапиенсы опять не понимали его. Значит «зло» — это «вредное» для других и «полезное» для себя? Разве люди живут не обществом, не помогают друг другу? Если ты будешь делать «зло» другим, то они будут делать его тебе. Существо, делающее «зло», неминуемо должно погибнуть, оно просто не может жить среди мыслящих существ!

Плохо понимали сапиенсы и человеческие чувства. Они долго не могли уяснить себе эмоциональное значение слова «отчаяние». Как понял из объяснений Виктор, у сапиенсов чувства лишь сопровождали, но никогда не определяли поступки. Сапиенсы всегда держали себя в руках. Когда Виктор пытался объяснить им, что в отчаянии человек может совершать нелогичные, неоправданные поступки, они не понимали его. «Безвыходных положений нет, — рассуждали они. — Всегда есть много выходов из любого трудного положения: одни лучше, другие хуже. Надо лишь найти из них наилучший. Бывает, конечно, и так, что лучший выход — смело и решительно умереть. Но при чем здесь чувства?»

Так и не договорились они в отношении чувств. Виктор лишь догадался, что самоотверженность и героизм были для сапиенсов нормой поведения.

Переводчиком им служила машина. Она запоминала слова, которые произносил Виктор, ставила в соответствие с радиосигналами сапиенсов и формировала их мысли в законченные фразы, используя заданные ей грамматические правила. Вскоре они стали объясняться довольно свободно.

Чаще всего беседы вел тот белорогий сапиенс, с которым Виктор говорил в первый раз. Это был, похоже, самый мудрый и уважаемый сапиенс из всей экспедиции, возможно, ее руководитель. Он почти беспрерывно висел в аквариуме, оседлав себя прибором с ниточками проводов.

После урока анатомии и физиологии белорогий лектор

провел еще несколько сеансов подряд, посвятив их истории своего общества.

...Виктор увидел в пустоте большую планету. Она медленно приближалась, и все виднее становились огромные вулканы, извергающие столбы пепла, которые черными тучами носились над поверхностью. Поминутно их освещали вспышки молний. А по склонам медленно стекали сверкающие языки лавы. Стали видны широкие трещины, отвесные стены которых уходили вниз, в непроглядную мрачную тьму.

Поверхность планеты судорожно вздрагивала. Толчки следовали один за другим.

Да, неспокойной, оказывается, была их родина!

...Сапиенсы наступали на природу организованно и дружно. В одной из долин, особенно удачно скрытой в складках гор, у них выросли города-здания, общие, одинаково необходимые всем. Временами вулканы забрасывали и сюда свои огненные смерчи. Тогда сапиенсы укрывались в своих постройках. Но покинуть долину они не могли. Лишь здесь поднимали вверх свои толстые, бочкообразные стебли и многоярусные венчики игл высокие, как деревья, растения. Над ними, заполняя всю долину, стлался бирюзовый легкий туман. Он был скоплением микроскопических существ — пищи сапиенсов. Колонии питательных микробов возникали лишь на этих растениях-деревьях. Вне долины не было ни деревьев, ни бирюзового тумана. Вне долины сапиенсы жить не могли.

Оружием сапиенсов стала техника. В больших шарах, наполненных искусственной жизненной средой, они поднимались высоко над слоем тумана, переваливали через окружающие долину хребты и смело вторгались в пустыню. Рощи хвойных растений быстро вырастали в соседних долинах, перечеркивая их во всех направлениях, и над ними вился живительный бирюзовый туман. Все дальше и дальше улетали сапиенсы, открывая и заселяя новые долины.

История сапиенсов, как заметил Виктор, начиналась с уже высокой ступени развития. Предыстория оставалась в тумане.

Разум стал дерзким. Ему было тесно в долинах. Сапиенсы решились на схватку с тектоническими силами, дерзнули обуздать вулканы, освободить для жизни всю планету. Созданные ими машины вгрызались в скалы. Они ползли все глубже и глубже, прямо к бушующим потокам магмы. Тысячами стволов тоннели нацелились вниз, угрожая вулканам сокрушающей силой атомных превращений.

Сапиенсы укрылись в своих постройках. Не стало видно машин, опустел воздух. Лишь маленькое солнце неторопливо пробиралось по небосклону.

Где-то невидимая стрелка часов приблизилась к назначенной черте, и планета дрогнула от мощного взрыва. Сотни вулканов удивленно пыхнули сверкающими столбами газа. Крутящийся смерч понесся над обожженными плоскогорьями, ворвался в долины. Скорчились листья растений, свертываясь в трубочки, потемнела длинная, метровая хвоя.

И сразу же следующий взрыв потряс планету. В ответ гневно взревели горы, в ужасе поползли друг на друга, изрыгая массы раскаленного газа и пыли. Град каменных глыб хлестнул поверхность — все смешалось, заклубилось в неистовом урагане. Черная туча окутала солнце. Лишь где-то внутри темного клубка поминутно вспыхивали багровые сполохи.

Долго висела в пустоте большая планета, окутанная черным дымом, из которого то там, то здесь вырывались широкие языки пламени, похожие на протуберанцы.

Виктор смотрел на планету с тревожным недоумением.

Как же они там, внутри?.. Неужели сапиенсы неосторожно ввергли и планету и себя в страшную, непоправимую катастрофу?

Постепенно дым превратился в спокойный плотный туман. Он медленно редел, открывая поверхность. Разломанные, искореженные вершины лишь местами устало дымили. Нельзя было узнать и прежних долин, еще недавно покрытых коврами растительности. Огненные смерчи выжгли здесь все, что не могло укрыться, и только под крышами городов-зданий по-прежнему широко разбрасывали венчики игл пузатенькие растения да деловитые шары уже проносились по воздуху, бороздя его во всех направлениях...

Планета сдалась.

Началось новое великое наступление на природу. Широкие полосы посадок протянулись далеко в мертвые просторы. Крохотные озерца жизни, которые прежде сиротливо ютились в морщинах голой пустыни, разлились в могучий океан. Он неудержимо катился вперед, заливая и плоскогорья и успокоенные навеки хребты.

Наступление требовало новой, все более совершенной техники. На бескрайных просторах планеты сапиенсы казались крохотным, хотя и дерзким отрядом. Они были солдатами. Работу тыла обеспечивали машины. Заводы-автоматы беспрерывно хлопотали, заведенные однажды, контролируя, обновляя, ремонтируя сами себя. Машины-автоматы рассаживали высокие растения-деревья, ухаживали за ними. Автоматы обслуживали транспорт. Они добывали энергию. Все, что не требовало творчества и мысли, делали машины.

В далекие просторы расчищенной, украшенной мыслью и трудом планеты протянулись ансамбли построек. Всю ее поверхность укрыл плотный бирюзовый туман — всеобщий туман изобилия.

Поднималось и вновь скрывалось за горизонтом маленькое солнце, освещая это новое триумфальное шествие разума. Но вот оно, казалось, стало уставать. И без того тусклый диск подернулся пепельными пятнами. Все разрастаясь, они язвами покрыли его поверхность. Планету окутывал мрак.

Тогда в космос один за другим устремились большие корабли. Десятки их кружили вокруг планеты, а между ними неугомонно сновали шары. В черной пустоте ярко вспыхнуло новое, молодое солнце, и лучи его осветили внизу ликующих сапиенсов. Оно покорно кружило, а рядом вспыхивали другие солнца, и планета спокойно нежилась в потоках лучей.

Генеральный закон разума — Закон всеобщего содружества торжествовал новую крупную победу над законами неживой природы.

Победа в космосе открыла новые горизонты.

Корабли устремлялись все дальше в глубины межзвездного пространства. Тонкие струйки газов, соединяясь в больших резервуарах, жадно поглощали друг друга. Эта аннигиляция массы, самоуничтожение вещества и антивещества, служила движению. Материя вырывалась из сопел гигантскими каскадами освобожденной энергии, огромным напряжением электромагнитных полей. Они стремительно мчали корабль и его пассажиров в черную пустоту, все ускоряя и ускоряя полет. И от этой невообразимой скорости Пространство и Время покорно сжимались. Корабли сапиенсов совершали все более дальние и длительные полеты.

На планете, освещенной сиянием сразу двух солнц, они обнаружили разумную жизнь. Поселения стройных существ, немного напоминающих ящеров, но с длинными, почти человеческими руками плавали здесь на поверхности бесконечного океана тяжелой маслянистой жидкости, покрывающей всю планету. Встретили они жизнь и у других звезд — дикую, не породившую еще Разума и Труда.

Один из кораблей, замедляя ход, приблизился к желтой звезде. Картина созвездий показалась Виктору знакомой. Ну, конечно же! Светящаяся дымка Млечного Пути, сияющая Вега, опрокинутый ковш — Полярная звезда... Наше звездное небо! И шарик Земли, несущийся наперерез.

Корабль резко уменьшил скорость и, описав широкую дугу, превратился в спутника Земли.

Сапиенсы обнаружили на планете жизнь.

У них были приборы, безгранично усиливающие сигналы, которые служили им для обмена мыслями. Снова и снова посылали они на Землю мощные волны мыслей, призывая обитателей планеты откликнуться, ответить своей мыслью им.

Но люди не отвечали.

Виктору вспомнилось совещание в Москве, споры ученых... Космический гипноз... «Неизвестность»... Ни сапиенсы, ни люди еще не представляли себе, насколько отличались их формы Разума, способы общения.

Корабль продолжал описывать широкие круги. Сапиенсы не отчаивались. Они наблюдали, изучали, исследовали жизнь на Земле.

А внизу блеснула крошечная вспышка, и длинное тело ракеты-носителя, оставляя огненный след, устремилось сюда, вверх. Вскоре хорошо знакомый Виктору контур спут-

ника с круглым иллюминатором телевизионной камеры показался вдали.

Створчатая диафрагма в корпусе корабля открылась, и сразу присмиревший спутник медленно проплыл внутрь корабля...

Сапиенсы, как муравьи, облепили спутник. Их нетерпение можно было понять. Обитатели планеты послали в космос, к ним, неоспоримое свидетельство Разума!

Деталь за деталью сапиенсы осторожно растащили спутник по частям и вновь собрали его в своих лабораториях в глубине корабля, постигая назначение и смысл земного подарка.

А трассирующий огненный след снова потянулся с Земли сюда, к сапиенсам...

Изображения медленно погасли. Аппарат-переводчик умолк.

Виктор долго молчал, потрясенный и восхищенный этим стремительным маршем Разума.

Сапиенсы терпеливо ждали. Наконец механический голос произнес:

— Мы, должны, знать, историю, людей.

Теперь он должен был рассказать им историю человечества, историю торжества Разума на Земле!

Виктор вспомнил, что не хотел открывать им секреты Земли... Какой дикостью показалась бы его подозрительность сапиенсам! Они ведь не знали, что разумные существа, как и дикие хищники, могут охотиться друг за другом. Сапиенсы знали лишь один Генеральный закон разума — Закон всеобщего содружества мыслящих существ, считая его одинаково обязательным в любом уголке вселенной.

Виктор постарался припомнить все, что сохранилось в памяти еще со школьных лет.

Древний Египет. Громады пирамид и толпы рабов, волочащих по земле многотонные камни. Свист кнутов надсмотрщиков...

Вавилон. Ассирия. Поход ассирийцев на Сирию. Выжженная страна, зверски уничтоженное население...

И так век за веком... Войны, борьба... И дальнейшее совершенствование орудий убийства.

И совсем недавно — безумие гитлеризма...

Как объяснить им все это — войны, классовую борьбу?..

Правда, на Земле треть людей уже признала Закон всеобщего содружества своим Законом...

Правда, мир уже захватил требовательный призыв — разрушить орудия убийств, кончить, наконец, истребление людей людьми.

Только... не всех он захватил.

И все еще нацеливали в людей там, внизу, обезумевшие от жадности стяжатели страшные орудия, все еще грозили уничтожить жизнь, если им не дадут по-прежнему грабить, насиловать, воевать!

Поймут ли его сапиенсы? Поймут ли, что не было на Земле живительного бирюзового тумана, как воздух, оди-

наково доступного для всех... Ведь они уже почти забыли свою собственную предысторию, забыли то время, когда сапиенсы боролись с сапиенсами...

— Мы, должны, знать, историю, людей, — громко повторил голос.

— Она слишком сложна... — нерешительно начал Виктор.

Он говорил долго, а когда кончил, некоторое время стояла тишина.

Сапиенсы тоже, очевидно, были ошеломлены. Машина раскудахталась, как испуганная наседка.

Как?! Люди используют технику, чтобы убивать друг друга? Это невозможно! Закон всеобщего содружества везде — Закон! Или люди еще так дики? Откуда же у них такая техника? Или это два биологически разных вида мыслящих существ? Жизнь породила на Земле две конкурирующие формы Разума. Как это необычно! Нет, они все — люди? Зачем же они убивают друг друга?

Сапиенсы все еще продолжали висеть в аквариуме. Потом белорогий начальник повернулся к ним, и тени стали медленно удаляться.

— Погодите! — крикнул им Виктор.

Мысли о Земле вернули его к действительности. Уже более пяти суток он здесь, в корабле, а там, внизу, все еще ничего не знают о таинственном пятне...

Он-то летел сюда ради всех. Да и сигнал мог послать только всем. Просто на Землю... Людям...

Сапиенсы снова приблизились к перегородке.

— На Землю надо послать сигнал, — решительно сказал Виктор. — Людям необходимо знать, кто вы.

Начался долгий разговор.

Вскоре Виктор понял, что радиосвязь с Землей вырастает в серьезную проблему. Корабль пополнял свои энергетические ресурсы в полете, поглощая электромагнитные поля, пронизывающие космос. Притягивая и поглощая все световые лучи, он был невидим с Земли, радиолокационное зондирование также не могло обнаружить его. Корабль не отражал радиосигнал обратно на Землю, а поглощал так же полно и бесследно, как бесконечная глубина космоса. Поэтому сапиенсы и не восприняли радиосигналы людей. Энергия радиосигнала, посланного отсюда, тоже нейтрализовалась бы этим поглощающим полем и не могла достигнуть Земли. Посылка сигнала была возможна лишь на сверхкороткой волне, близкой по длине к волнам видимого света. Но земные станции на таких волнах не работали...

ЭТО ЖЕ ПОБЕДА, ТОВАРИЩИ!

Лишь в самый первый момент, когда радиоприемник внезапно умолк, Лена подумала, что Виктора больше нет. Потом она всегда убеждала себя: Виктор жив. Но ужас перед свершившимся, перед неизбежностью и тревога все усиливались.

Отец дни и ночи пропадал то в обсерватории, то где-то еще. Маму и Мишутку она уговорила уехать на дачу.

Сидеть дома одной с таким адом в душе было невозможно. И Лена твердо решила работать в конструкторском бюро. Уборщицей в цехе, судомойкой в буфете... Все равно! Только бы быть среди этих людей, готовящих ракеты, которые спасут Виктора.

Так она стала секретарем Дорошенко, заменив заболевшего работника.

Это тоже была профессия. Одно сборище телефонов на ее столе чего стоило! Попробуй угадай, который из них звонит? А посетители?! А запись телефонограмм! А вызовы людей к Генеральному конструктору!..

Сегодня вечером Василий Трофимович заперся у себя, велел никого не принимать и ни с кем его не соединять. Лена не уходила домой, потому что вменила себе в обязанность в конце дня укладывать исписываемые им в такие часы пухлые тетради в сейф своими руками в строгом порядке, иначе потом быстро не отыщешь нужную.

Наконец Дорошенко вышел из кабинета.

— Ну и путаная же у нас автоматика, Елена Николаевна! — устало сказал он, протягивая ей тетради. — Думал, теперь и не разберусь, отчего она дурит. Ан, нет!.. — Он немного постоял, задумчиво рассматривая ее, потом, когда Лена заперла сейф, спросил: — Вы когда-нибудь видели эту «Неизвестность»? Сейчас я хотел бы взглянуть на нее поближе. Не устроите ли, Елена Николаевна, по знакомству? Ваш родитель ведь самый главный чародей по этой части.

— Хорошо, Василий Трофимович. Сейчас я попробую.

Ей тоже захотелось увидеть своими глазами то, что так резко перевернуло всю ее жизнь.

Лена тут же позвонила отцу. Он предупредил, что надо приехать через час, иначе они ничего не увидят.

— Вот и чудесно! — обрадовался Дорошенко. — Вызывайте машину.

Отец встретил их в центральном зале и сразу же заторопил: «Побыстрее к телескопу! Только, чур, не обижаться на бедное угощение, потому что не увидите ровным счетом ничего».

Дорошенко долго прилаживался к окуляру, потом с минуту смотрел в него, в недоумении подняв брови. Наконец он отодвинулся, махнул рукой и встал с сиденья.

— Хай воно сказыться!.. — проворчал он. — Столько хлопот из-за него, а посмотреть и не на что. Смотрите, Елена Николаевна.

Лена увидела темное небо и яркие звезды. Их было гораздо больше, чем на таком кусочке неба, если смотреть без телескопа. Но, кроме них, там не было ничего. И вдруг одна звездочка в центре как будто шевельнулась, медленно поплыла в сторону и стала меркнуть. Лена обрадовалась. Она знала, что «Неизвестность» отклоняет и гасит свет звезд. Это была она... Звездочка погасла. Лена почувствовала себя одинокой и несчастной.

Звездочка снова засияла, а рядом с ней сверкнула зеленоватая искорка. Крошечная, спокойная, как звездочка, только зеленая... Лена долго смотрела на нее, пока не заметила, что свечение уже отошло от той звезды, которая угасала перед этим.

— Папа, она светится! — испуганно воскликнула Лена.

— Что? Что светится?! — спросил отец, сразу же очутившись у телескопа.

— Ну, эта «Неизвестность»! Посмотри скорее!

Лена поспешно освободила место.

Отец прильнул к окуляру и зашептал как одержимый:

— Что такое? Что такое? Действительно, свечение... Такое же, как тогда. Определенно — такое же... Стоп! Погасло! Снова светит... Светит... Погасло! Светит... Секундомер! — резко крикнул он, протягивая руку и не отрываясь от телескопа. — Снимать на кинопленку! Быстрее! — Он на ощупь взял поданный ему секундомер и сразу же надавил на головку, через некоторое время щелкнул вторично и скомандовал: — Записать — десять...

Он взглядывал на секундомер и называл цифры: «Три, десять, три», — очевидно отмечая продолжительность вспышек в секундах.

Дорошенко набрал номер телефона, потом негромко спросил:

— Сергей Борисович? Извините, что потревожил. Да, Дорошенко... Звоню из обсерватории. «Неизвестность» о чем-то сигнализирует на Землю. Да, да, вспышки разной продолжительности, двух видов. Очевидно, азбука Морзе. Хорошо, Сергей Борисович, не отхожу, сообщаю...

От охватившей ее слабости Лена присела на стул и, не отрываясь, смотрела на отца. Он все щелкал секундомером и называл цифры. Потом он умолк, долго молчал и вдруг закричал:

— Ага! Опять!.. Записывайте! — и снова стал щелкать.

— Сигналы повторяются, Николай Павлович! — сказал через несколько минут кто-то из его помощников.

— «Неизвестность» повторяет свой сигнал! — Это говорил Дорошенко. — Да, повторяются. Что? Хорошо, Сергей Борисович, мы будем ждать здесь.

Он положил трубку на рычаг и негромко сказал:

— Сергей Борисович сейчас постарается приехать.

И еще раз, третий, «Неизвестность» повторила свои сигналы.

Лена еще нашла в себе силы подняться и подойти к столу, за которым сидели ассистенты отца. Она смотрела на довольно длинную строчку цифр и вторую под ней, такую же, как и верхняя, и третью, еще не оконченную.

Точка, точка, тире, точка, точка... Тире... Тире, тире, тире... — ставил под ними значки один из помощников отца.

«Э-т-о к-о-р-а-б-л-ь...» — вырастали над ними буквы.

Лена стояла к нему ближе всех и первой взяла листок. Над тройной строчкой цифр стояли буквы, которые слагались в слова: «Это корабль разумных мирных существ. К л е н о в».

— Что там? Что?!. — нетерпеливо спросил вошедший в комнату Сергей Борисович.

Лена дрожащим голосом прочла текст вслух. И сразу же стало тихо-тихо...

— Ну что же вы? — как-то глухо спросил Сергей Борисович. — Почему не кричите «ура»? Это же победа, товарищи! Огромная победа! Ура!!!

И все закричали вслед за ним. Даже отец... Все, кроме нее... Радость была такой ошеломляющей, что радоваться она не могла.

„Я ГАРАНТИРУЮ ВАМ БЛАГОДАРНОСТЬ...“

Вскоре дежурный сапиенс известил Виктора о том, что сигналы на Землю посланы.

Они придумали это вместе, Виктор и сапиенсы, — послать световой сигнал, открывая и закрывая входную диафрагму корабля.

Виктор облегченно вздохнул. Основная задача его полета была выполнена.

И сразу же ему неудержимо захотелось вернуться. Вернуться!.. Ничего больше не ожидать от сапиенсов, не чувствовать ни угнетающего восхищения перед ними, ни настороженной тревоги. Снова стать просто человеком среди людей.

Желание это становилось все мучительней.

Очередные сеансы лишь на время отвлекали его от этих настроений.

Теперь белорогий сапиенс раскрывал перед ним достижения их медицины, химии, математики, энергетики.

Сапиенсы уже давно победили все, абсолютно все свои болезни. Они были не только всегда молоды, но и постоянно здоровы. И жили долго-долго, пока хотели, пока не приходило непобедимое желание покоя.

Теперь их медицина лишь предупреждала заболевания. Одна из побежденных болезней особенно заинтересовала Виктора. Это было прогрессирующее омертвление клеток, похожее на раковое заболевание...

Синтезировать сапиенсы могли практически любое вещество. Строительные и технические материалы, лечебные препараты, искусственная жизненная среда — все это было у них продуктами химических реакций. Даже тот ароматный напиток, которым питался Виктор, был синтетическим.

А математики у них, собственно, не было.

Виктора всегда поражало странное противоречие могущества и бессилия земной математики. Объем математических знаний, накопленный людьми за тысячелетия, подчас нагонял на него тоскливое уныние. И десяти жизней не хватило бы неосторожному безумцу, который дерзнул бы только понять, глубоко разобраться во всем, что заключала в себе математика.

Но вместе с тем... Вместе с тем математика работала во многом еще на теорию. Самый строгий теоретический рас-

чет самого простого реального процесса — ну, предположим, охлаждения горячей воды, протекающей по трубе, — давал ошибку почти в два раза! Инженеры в своей практической деятельности, не говоря уже о биологах, химиках, медиках, не пользовались вершинами математической мысли. Инженеры тысячи раз пропускали воду через различные трубы, каждый раз измеряли, насколько упала температура, и составляли таблицы различных коэффициентов. Не математика, а эти таблицы были основой дальнейших технических расчетов. О теоретическом расчете многих более сложных процессов инженеры только мечтали.

Математика сапиенсов была иной. Ее разделы тесно переплетались с прикладными науками, и она была не самостоятельной наукой, а рядом логических приемов, которые служили конкретным задачам.

Однако энергетика сапиенсов не очень намного обогнала земную. Основным ее источником служила аннигиляция инерционных частиц, в принципе уже известная и земным физикам. Но использование энергии было гораздо многообразнее. Сгущая, например, электромагнитное поле в одном направлении, они могли производить механические движения на большом расстоянии, даже отбрасывать встречные метеоры с пути корабля.

Еще одна загадка была разгадана!

Снова Виктором овладело нетерпение: скорее, скорее на Землю!

Он уже почти не вникал в то, что ему объясняли. Этот беспрерывный поток новых неожиданных знаний невозможно было воспринять сразу, удержать, запомнить. Фильмы-беседы надо было проводить не для него, а для широкой аудитории специалистов.

Сапиенсы должны опуститься на Землю! Они обязательно должны передать людям свои знания!

Теперь весь смысл его полета, его пребывания здесь был в этом одном.

Виктор едва дождался конца сеанса.

— Почему вы не опускаетесь на Землю? — прямо спросил он.

Сапиенсы охотно объяснили ему это.

Если их огромный корабль приземлится, то будет разрушен собственной тяжестью. И конструкция и прочность корабля обеспечивали его полет лишь в космосе. Для высадки на планеты сапиенсы пользовались относительно небольшими аппаратами, космическими катерами. Такой катер мог перенести на Землю и возвратить обратно только двух-трех членов экспедиции. К сожалению, ни по результатам своих наблюдений, ни из отрывочных объяснений Виктора сапиенсы до сих пор не сделали еще окончательного вывода, насколько высоко организованы разумные существа на Земле? Можно ли доверить им жизнь членов экспедиции?

— Я гарантирую вам безопасность и благодарность людей, — горячо сказал Виктор.

Сапиенсы в аквариуме запрыгали, молниеносно переска-

кивая с места на место. Виктор знал уже, что так выражают они буйное ликование. Он не мог не улыбнуться, глядя на их скачки.

Потом механический голос произнес:

— Мы, готовы.

Но Виктор задумался. Холодильные установки его космолета были выведены из строя и не могли обеспечить нормальных условий для вхождения в плотную атмосферу Земли.

Не мог он лететь и в катере сапиенсов. При обычной для них температуре он задохнулся бы.

— Мой аппарат не пригоден для полета, — нерешительно сказал он.

Сапиенсы утихли, сосредоточенно пошевеливая рожками.

Виктор почувствовал, как противная тошнота подкатила к горлу. Может, они хотят оставить его заложником?

— Мы, примем, решение, потом, — сказала, наконец, машина.

Сапиенсы снова стали медленно растворяться в глубине.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Виктор прислонился спиной к твердому крылу космолета и долго стоял молча, не шевелясь. То, чего он опасался, чего так страстно не хотел, все же случилось. Его судьбу решали они.

Это чувство бессилия, зависимости было омерзительно противным.

Звуки механического голоса заставили его вздрогнуть от неожиданности.

— Человек, почему, у, тебя, неровно, бьется, сердце?

Они ведь видели его не только снаружи, но и внутри. От них ничего не скроешь!..

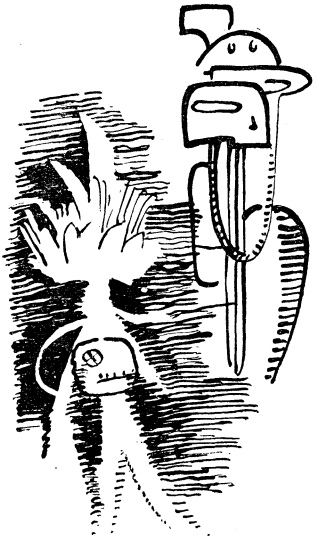
Виктор поднял глаза. Белорогий начальник снова был здесь.

В одну из бесед Виктор поинтересовался их именами. У них были имена — вернее, своего рода звания, потому что каждое имя имело смысловое значение. Это не удивило Виктора. Человеческие имена тоже ведь когда-то были просто словами, только слова закостенели, умерли и потеряли смысл. Никто теперь не вспоминает о том, что у римлян слово «виктор» означало «победитель», а «леонид» у древних греков — «сын льва».

Имена сапиенсов не были мертвыми. Они менялись у них, если менялось поведение сапиенса, и служили предельно лаконичными характеристиками. У этого белорогого начальника имя переводилось машиной как «Луч Мысли».

Виктор за эти дни уже привык к обществу своего собеседника, даже чувствовал симпатию к нему. Луч Мысли был очень трогателен в стремлении без конца развлекать его своими фильмами.

— Мне надо вернуться на Землю, — сказал Виктор, и в голосе его против желания прозвучали тоскливые, умоляющие нотки.



Луч Мысли, кажется, не понял его настроения — машина ведь не переводила чувств.

— Тебе, скучно, у нас? — спросил он.

Нет, Виктор, конечно, не скучал с ними. Эти умные, интересные, добрые и красивые существа нравились ему, но...

— Я здесь один... — сказал он наконец. — Люди чувствуют себя хорошо, когда они вместе.

— Мы, понимаем, тебя, — сразу же ответил сапиенс.

— Так что же вы решаете?! — почти крикнул Виктор.

Луч Мысли объяснил ему, в чем дело. Чтобы человек мог лететь вместе с сапиенсом, катер необходимо было серьезно переделать. Сапиенсу придется все это время: и в полете и на Земле, быть в герметичном шаре. Лишь один шар после переделки катера сможет поместиться в нем. Лишь один сапиенс может лететь на Землю. Лишь десять земных дней может он там провести. За это время он должен передать людям знания сапиенсов и все узнать о Земле. Это очень трудно. Лететь должен он сам, Луч Мысли.

Эти вопросы и решали сейчас сапиенсы совместно с логической машиной корабля.

Они снова помолчали.

Виктор думал сейчас о Земле. Сапиенс, наверное, — о своей далекой планете, которая доверила ему научные итоги экспедиции. Но и люди и сапиенсы хотели больше знать. Оба они думали и об этом.

— Решение, принято, на, Землю, полетим, ты, и, я.

Виктор глубоко, всей грудью вздохнул и закрыл глаза, прислушиваясь к радостным ударам сердца, потом одними губами спросил:

— Когда?!

— По, твоему, исчислению, времени, через, двадцать, часов.

Это было, конечно, очень много — почти сутки!.. Но ведь катер необходимо переделать.

— Расскажи мне еще о вашей планете, — попросил Виктор.

Рассказывать Луч Мысли, кажется, мог без конца. На этот раз он посвятил беседу современным общественным отношениям сапиенсов.

Снова в воздухе замелькали картины.

Общество сапиенсов было единым.

Власти у них теперь не было вообще. Господство одного разумного существа над другим считалось недопустимым. Это противоречило принципу равенства. Некоторое, даже значительное различие в физическом и умственном развитии не давало права на исключительность и превосходство, которые всегда заключала в себе власть. Господствовала у них лишь общественная необходимость. Ее выявляли логические машины, систематически изучая бесконечно сложные общественные процессы. Все важнейшие выводы логических машин контролировались советами оппонентов. Они состояли из самых авторитетных, самых мудрых сапиенсов, обязательно — лучших специалистов по вопросу, который требовал контроля.

Решения логических машин, утвержденные советами оппонентов, были не указами, не декретами, даже, собственно, не решениями, скорее — просто выявленной необходимостью. Но не выполнить их ни одно общественное объединение, которые существовали у сапиенсов, ни один сапиенс не мог.

Виктор задумался.

Неужели они не знают свободы поступков и лишены радости удовлетворять свои личные желания?

Он не удержался и спросил об этом своего белорогого друга.

Нет, сапиенсы вовсе не были деталями хорошо отрегулированной общественной машины. Просто они познали структуру желания. Желание оказалось сложной, противоречивой функцией жизнедеятельности. На одном полюсе его царила прихоть, на другом — необходимость.

Они не были и аскетами. У них оказалось богатое, разнообразное искусство. Гармонией электромагнитных колебаний они наслаждались, как люди — музыкой. Пластикой телодвижений увлекались, как люди — танцами. Архитектура и скульптура достигли у них совершенства.

Умение показать такой фильм тоже было искусством, требующим способности картинно и последовательно мыслить. Это удавалось далеко не каждому.

Луч Мысли был в этой области, кажется, виртуозом. Как истинный артист, он наслаждался своим умением и довел теперь Виктора до одури, час за часом сменяя одну за другой все новые и новые картины. Перед Виктором бесконечным потоком мелькали радостные шествия сапиенсов, красивые города, бесконечные массивы пышных растений, какие-то игры или состязания...

Наконец Виктор запросил пощады.

— Извини, я устал, — улыбаясь, сказал он. — Я досмотрю это потом, на Земле, вместе с другими.

Картины погасли.

— Тебе, надо, отдохнуть, перед, полетом, — заботливо предложил Луч Мысли.

Виктор не стал возражать. Сейчас ему хотелось побыть одному, отдохнуть и немного помечтать.

Он подтянулся к люку космолета и еще раз взглянул

в бирюзовый полумрак. Луч Мысли неподвижно висел, нацелив на него рожки. Виктор помахал ему рукой и крикнул:

— Отдыхай! На Земле у тебя будет много работы. Спокойной ночи!

Он прыгнул в люк, с удовольствием опустился на мягкое сиденье, вытянул ноги и закрыл глаза.

Его немного лихорадило от усталости и возбуждения. Завтра... Да, да, завтра...

Надо только предупредить сапиенсов: катер обязательно должен опуститься в районе Москвы! И тогда... Неужели это будет? Лена, Мишутка... Милые!.. Сколько им пришлось пережить! Ну, потерпите еще денек! Хорошо? Потом вы посмотрите чудесные фильмы, познакомитесь с этим белорогим талантливым артистом. Хотите? Ну, конечно же! Тем более — вместе... Интересно, как будет вести себя Мишка? Не испугается этого мертвого голоса? А Лена?..

Какой завтра начнется переполох! Крупнейшие ученые мира роем слетятся в Москву.

Завтра!.. Завтра!.. Завтра!..

Лихорадка мыслей трепала его уставший, перегруженный мозг, не давая успокоиться и уснуть. Виктор открыл глаза и стал смотреть на светящийся в темноте циферблат хронометра. Секундная стрелка бодро и неутомимо прыгала все вперед и вперед, но ей надо было обойти целый круг, прежде чем пройдет минута. Следить за ее однообразным движением было тошно. Он терпел это целый час, потом выглянул из люка. Дежурный сапиенс был здесь.

— Когда катер будет готов? — спросил его Виктор.

— Через, девять, часов.

Девять часов!..

Спать Виктор не мог. Смотреть фильмы тоже не мог. Ничего не делать, уставившись в стрелку хронометра, было невыносимо.

— Расскажи мне о вашем руководителе экспедиции, — попросил Виктор.

Луч Мысли, оказывается, был не совсем обычным сапиенсом. Его удивительный мозг чудесно совмещал в себе и неудержимый полет свободного творческого дерзания и беспощадный логический контроль выводов. Это сочетание обеспечило ему огромные успехи в научном творчестве. Его память соперничала с памятью логических машин. Его дерзость и смелость не знали пределов. Он был гордостью и надеждой всей планеты.

Недаром же его называли Луч Мысли! Он освещал мыслью тайны природы и бытия.

Это обрадовало Виктора. Именно такой сапиенс нужен был сейчас на Земле!

— Пригласи его на минутку, — попросил Виктор.

Вскоре Луч Мысли показался у перегородки. Виктор надел на голову тюбетейку, вызвал картину земного шара, представил себе звездочку в районе Москвы, и она заалела на воздушной картине.

— Приземлиться нам надо здесь, — предупредил Виктор. — Запомнил?

— Аппарат, может, опуститься, в, другом, месте.

Это было понятно. Рассчитать торможение о воздух так, чтобы катер приземлился в заранее намеченной точке, для сапиенсов, не имевших точных данных об атмосфере Земли, было трудно.

— Но ты ведь можешь лететь и в плотных слоях атмосферы, вдоль поверхности Земли?

— Могу.

— Ну, вот и долетишь!

— Ты, боишься, — спросил или догадался Луч Мысли, машина ведь говорила без интонаций.

— Да!.. — решительно сказал Виктор. — Нам придется перелетать, потому что...

— Я, должен, встретиться, с ними, — перебил его Луч Мысли.

— С кем? — испуганно спросил Виктор.

— С, людьми, которые, не, приняли, Генеральный, закон, Разума.

— Нельзя! — крикнул Виктор. — Я не допущу этого! Зачем это тебе?

Машина так зачастила словами, что Виктор с трудом понимал их.

Сапиенсы нигде еще не встречали нарушений Генерального закона Разума. Закон не должен знать исключений. Иначе это не закон. Теперь на Земле сапиенсам открывался небывалый, невероятный случай.

Люди, принявшие Закон всеобщего содружества, — это не так интересно. Это закономерно, нормально, обычно. Он, Луч Мысли, должен встретиться с другими, незакономерными. Иначе он не может поступить! Это будет одним из важнейших результатов экспедиции! Может быть, самым важным.

Виктор смутился. Он, пожалуй, в своих рассказах сгустил краски. У сапиенсов, кажется, создалось впечатление, что на Земле живут вообще не разумные существа, а какие-то выродки. Что произойдет страшного, если они приземлятся где-нибудь в капиталистической стране? И там люди с восторгом и благодарностью встретят и сапиенса и его самого. Кто-то попробует прибрать их к рукам? А общественное мнение? И потом они ведь всегда смогут улететь...

— Хорошо! — быстро сказал он. — Но с одним условием!

— Что, значит, но, с, одним, условием?

— Это значит — без того, что я потребую, мы не полетим!

— Я, полечу, один.

Это было, конечно, не слишком вежливо со стороны хозяина положения, но Виктор понимал, что, разговаривая с сапиенсом на языке ультиматумов, он, пожалуй, ведет себя не слишком умно.

— Ну, я прошу тебя! Не разговаривай там ни с кем без меня!

— Почему?

— Ты многого еще не знаешь о Земле. Может случиться, что твои беседы принесут людям вред. Я постараюсь, чтобы этого не случилось.

— Я, сделаю, так, как, просишь, ты, — согласился Луч Мысли.

— Но потом мы обязательно полетим в то место, которое я показал, — предупредил Виктор.

— Я, сделаю, так, как, просишь, ты.

— Хорошо! Приземляйся, где сумеешь!

— Отдыхай, скоро, аппарат, будет, готов.

Виктор нехотя забрался в кабину космолета. На душе у него было неспокойно.

Он снова опустился в кресло.

Стрелка хронометра все прыгала вперед. Виктор молча смотрел на нее. Он не спал. Не мог спать...

* * *

...Аппарат слегка дрогнул от толчка и замер. Мертвая тишина оглушила Виктора. Сердце тяжелым камнем бухало в груди и вдруг остановилось.

Они приземлились!

Виктор медленно, с трудом протянул руку вперед, нащупал рычажок и повернул его.

Трясущимися пальцами, почти потеряв сознание, сбросил маску. Сейчас сапиенс трижды просигналит ему, и можно будет нажать кнопку. Свет раннего утра ворвется сюда, в черную тьму. Он увидит траву, небо, может быть — джунгли, или удирающих в панике антилоп, или бегущих к аппарату людей... Радостно улыбнется им, услышит шум листвы...

Все это уже здесь, за тонкой стеной, рядом.

Стены кабины вспыхнули ослепительно белым светом. Раз! Снова темнота... Тишина... Ну, ну, а еще? Два! Три!!! Кнопка... Есть!

Верхняя часть корпуса плавно отошла назад, яркий свет и свежий утренний ветерок ворвались в кабину, и вверху открылся кусочек неправдоподобно синего неба.

Выглянув из люка, Виктор увидел поле, густо заросшее бурой травой. Над ней кое-где торчали островки кустарника с маленькими желто-красными листьями и огромные, с острыми изломами валуны. Вдали, в полукилометре, кустарник стоял высокой сплошной стеной, а за ним где-то очень далеко, как призраки, чуть колыхались в воздухе зелено-коричневые горы.

В другой стороне громоздились серые морщинистые скалы, будто подрезанные сверху огромным тесаком.

Он спрыгнул вниз, прямо в высокий кустарник. Длинные шипы впились в костюм, но не одолели плотную ткань. Виктор выбрался из куста и копнул носком сапога землю. Она была коричнево-красной и твердой. И солнце, которое,

только что поднявшись над стеной скал, уже обжигало, было совсем не московским, и не сибирским, и даже не крымским — чужим...

Нос катера с легким скрипом раскололся надвое, и обшивка тяжелыми крыльями повисла по сторонам, открыв шар, который возвышался теперь над полем, как на постаменте.

В шаре был Луч Мысли.

— Где мы? — спросил Виктор.

— Мы, опустились, в, центре, большого, материка, — бесстрастно загрохотала машина. В расчете на большую аудиторию сапиенсы снабдили ее очень сильным голосом. — Ты, называл, его, Африка.

Конец первой части

БОРИС ХУДЕНКО

Рисунки Ю. Молоканова

РАДУШНЫЙ ХОЗЯИН

Африка!

Еще каких-нибудь полчаса полета, и он шел бы по мягкой подмосковной траве, влажной от утренней росы.

— Может, перелетим в другое место? — Виктор обернулся к сапиенсу, оставшемуся в аппарате.

— Зачем.

Виктор не ответил. Продолжать разговор, который они вели несколько часов назад, ему не хотелось. Надоело становиться в тупик перед простыми до наивности вопросами этого неземного мудреца...

Мощный звук, пронзительный, как мальчишеский свист, и оглушающий, как рев водопада, мгновенно разорвал тишину и умчался в сторону серой гряды скал. Виктор успел рассмотреть реактивный истребитель с отброшенными назад, как оперенье стрелы, крыльями. Самолет развернулся над скалами и помчался прямо на катер, почти пикируя, пугая стремительностью и безмолвием полета, а потом снова обрушил на землю рев.

Очевидно, полет катера был прослежен и астрономами и радиолокационными установками с каких-то военных баз. Теперь его разыскивали на Земле.

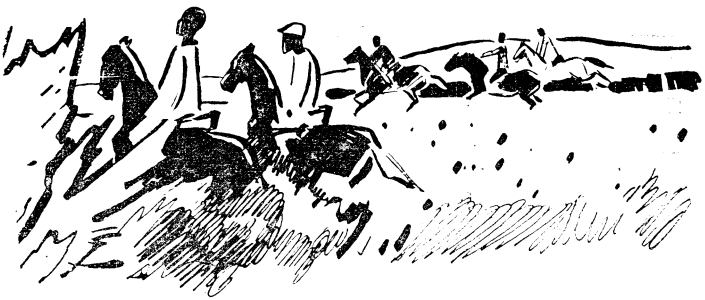
— Что, это, летает, — спросил Луч Мысли.

— Наземный летательный аппарат, — нехотя ответил Виктор, не спуская глаз с самолета, который кружил теперь над ними, круто скосив крылья в вираже. — Называется «истребитель».

— Что, он, истребляет.

Виктор стал торопливо объяснять, убеждая сапиенса, что им необходимо улететь. Луч Мысли молчал, добросовестно осмысливая доводы Виктора.

Окончание. Начало см. в № 4.



Самолет качнул на прощание крыльями, устремился ввысь, быстро превращаясь в летящую точку, сверкнул в лучах солнца и исчез.

Виктора охватила тревога.

Куда они все же угодили? Луч Мысли сказал — в центр материка...

В той стороне, куда умчался истребитель, снова возник звук моторов. Шли транспортные самолеты. Смотреть на них было больно, горячие солнечные лучи слепили глаза. Неожиданно из самолетов посыпались крохотные темные точки, и над каждой забелел купол парашюта.

Луч Мысли пришел в восторг. Такие прыжки существ, не умеющих летать, показались ему непомерной дерзостью. Массовая дерзость! И все это для встречи с ним?

Он наотрез отказался улетать.

Парашютисты опускались за чащу кустарника на краю поля. Оттуда послышались глухие ритмичные удары барабанов или бубнов. Из травы выскочил большой пушистый кролик. Он почти наткнулся на ноги Виктора, испуганно присел на задние лапы, ошалело рассматривая непонятного зверя. Виктор неожиданно для себя свистнул, гикнул, кролик в панике метнулся в сторону и скрылся в траве.

— Что, это, бегает, — сейчас же загромыхал Луч Мысли.

— Кролик, — ответил, улыбаясь, Виктор.

— Почему, он, убежал, почему, машина, не перевела, звуки, которые, ты, издавал.

Виктор только пожал плечами. Он сейчас немного сердился на своего космического друга за упрямство.

Со стороны скал послышался конский топот. К ним быстро приближалась группа всадников-негров, одетых в военную форму цвета хаки. За спиной у каждого болталась винтовка. Передний всадник, огромного роста, худой, с су-

ровым сосредоточенным лицом, круто осадил коня и соскочил на землю.

Подойдя к Виктору, африканец несколько секунд пристально рассматривал его. Его спутники тоже беззастенчиво разглядывали Виктора. Очевидно, в своем скафандре он выглядел сейчас очень странно.

Потом высокий неожиданно улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Хау ду ю ду, Виктор Кленов!

— Вы знаете мое имя? — удивленно спросил по-английски Виктор, пожимая ему руку.

— Да, — ответил африканец. — У нас в отряде есть рация. В последнее время эфир кричит только о вас. Мое имя О'Мбата. Мы рады видеть вас у себя в Симбаленде.

— Это Симбаленд? — спросил Виктор.

— Да. Там — Симбалендский хребет. — О'Мбата повернулся к далекой гряде гор. — А это—знаменитая Великая Африканская Стена. — Он кивнул на скалы. — Там, внизу, озеро Магода. Вы в самом сердце Африки.

У него был вид радушного хозяина, показывающего дорогому гостю свой дом.

— Что, говорит, мужчина, — загремел вдруг Луч Мысли. — Почему, машина, не, переводит, звуки.

О'Мбата вскинул от неожиданности голову, взгляд его стал напряженным, даже гневным. Лошади всхрапнули, дико заржали, вставая на дыбы. Негры, испуганно оглядываясь на катер, с трудом удерживали поводья. Лица их, до этого блестящие и черные, стали пепельно-серыми.

— Что это? — не спуская глаз с шара, спросил О'Мбата.

— В аппарате со мной прибыл космический гость, — торопливо ответил Виктор, а сапиенсу сказал по-русски: — Мы говорим с ним по-другому. У людей много различных способов говорить.

— Зачем.

Лошади снова заржали и стали рваться.

— Помолчи пока, — сказал Виктор сапиенсу. — Они боятся тебя.

— Почему, они...

— Помолчи, прошу тебя! — с досадой крикнул Виктор.

Луч Мысли послушно замолчал.

Лошади понемногу стали успокаиваться, испуганно косясь на шар и перебирая ногами. В наступившей тишине снова стали слышны тревожные удары бубнов или барабанов.

— Что это за звуки? — спросил Виктор африканца.

— Это тамтамы — наш древний африканский телеграф, — ответил О'Мбата. — Племя батота у озера имеет печальный опыт встречи с парашютистами... И вот сейчас женщины хотели убежать в джунгли. Один из парашютистов опустился среди бегущих и открыл огонь из автомата. Убит ребенок... А вот и они!

Из зарослей кустарника показалась густая цепь людей в пятнистых комбинезонах.

— Зачем же он... стрелял? — растерянно спросил Виктор.

О'Мбата слегка поморщился и ничего не ответил.

Виктору показалось, что не Луч Мысли, а он сам оказался на незнакомой планете и пристает ко всем встречным с вопросами до того наивными, что на них неудобно отвечать.

— А теперь нам придется уйти. Приветствовать вас будут наши опекуны, — усмехнулся О'Мбата. — Симбаленд пока еще протекторат... До свидания! — неожиданно по-русски добавил он и пожал Виктору руку.

Его спутники, с опаской поглядывая на цепь парашютистов, тоже по очереди пожали Виктору руку.

Вскочив на коня, О'Мбата оглянулся, кивнул Виктору и дернул уздечку.

Всадники помчались в степь, к скалам. За ними поднимались, медленно растворяясь в неподвижном воздухе, облачка красноватой пыли.

„МАШИНА НЕ ПЕРЕВОДИТ ЗВУКИ"

Виктор, не отрываясь, смотрел на цепь парашютистов. Он уже различал не только фигуры, по колени скрытые травой, но и лица в шлемах — молодые, загорелые.

Сейчас они мимоходом, по пути сюда, убили ребенка...

Парашютисты с автоматами в руках быстро приближались. Впереди шел коренастый мужчина с обветренным, обожженным солнцем лицом. Он не спускал с Виктора радостного взгляда и почти бежал, высоко поднимая над травой ноги и размахивая руками.

Парашютист подошел вплотную к Виктору, быстро оглядел его, шар, катер и что-то спросил на незнакомом языке. Виктор уловил только свое имя и фамилию.

— Вы русский космонавт Виктор Кленов? — на этот раз вопрос был задан по-английски. — Это ваш аппарат?

— Зачем вы стреляли там... сейчас... в ребенка?.: — спросил по-английски Виктор.

— Уверяю вас, это просто недоразумение! — горячо воскликнул командир парашютистов. — Знаете, прыжок, благополучное приземление — это очень возбуждает! И вдруг — бегущая толпа, ужас... Это тоже страшно возбуждает! Этакий охотничий азарт! Солдат стрелял просто в воздух. Я видел. Женщина споткнулась, и они сами затоптали ребенка. Это просто несчастный случай!

Виктор закрыл глаза.

Охотничий азарт!

Вот и сам он полчаса назад, когда на него из травы выскочил ошалевший кролик, не удержался, гикнул, свистнул...

Неужели никто никогда не объяснял им, что люди не охотничья дичь!

Гнев захлестнул его, мешая дышать, не оставляя ни возможности, ни желания рассуждать. Он шагнул к ним...

— О! — испуганно воскликнул командир и попятился на стоящих сзади солдат, которые тоже подвинулись назад. И сразу же Виктор отрезвел...

На все это молча смотрел Луч Мысли...

Солнце, совсем не похожее на то, каким оно бывает в Москве или в Сибири, пылающее, обжигающее, злое, висело в помутневшем небе. Как призраки колыхались в горячем воздухе далекие горы Симбалендского хребта. Какая-то муха с противным жужжанием носилась у лица Виктора.

Было нестерпимо жарко, душно, противно.

С лица командира парашютистов исчезли растерянность и испуг, оно стало равнодушным и холодным, только губы обиженно дрожали.

— Генерал-губернатор Симбаленда приказал мне обеспечить вашу безопасность, мистер Кленов, — вежливо и холодно сказал он. — Я и мои солдаты в вашем распоряжении.

Солдаты, очевидно, хуже владели своими чувствами. У одного, молодого, лет двадцати, не больше, от удивления раскрылся рот. Может, именно этот не сдержал свой юный охотничий азарт?!

По полю, подпрыгивая и искусно лавируя между кустами и валунами, медленно приближался ярко-голубой двухместный автомобиль. За рулем сидела девушка в белом с синим воротничком платье. Шляпа с широкими полями почти закрывала ей глаза. Рядом, наклонясь вперед, сидел молодой мужчина в такой же широкополой шляпе. Скрипнули тормоза, хлопнули дверцы. Девушка легко подбежала к Виктору. Мужчина торопливо шел за ней. Она на ходу о чем-то спросила командира парашютистов и, протягивая руку Виктору, сказала:

— Сюзанна Эдвин.

— Это моя сестра, мистер Кленов, — пояснил по-английски мужчина. — Я представитель администрации международного картеля «Вест-Уран» здесь, в Симбаленде. Мое имя Роберт Эдвин.

Они держались и говорили просто, с подкупающим дружелюбием, но без всяких восторгов и любопытства, как будто встретили старого доброго знакомого. В синих глазах девушки мелькали радостные искорки. У Роберта виски были почему-то седые. Симпатичные, дружелюбные, чем-то одинаковые улыбки...

И Роберт и его сестра понравились Виктору.

— Очень рад, — он пожал им руки.

— Вы должны остановиться у нас, — решительно, не допуская и намека на возражение, заявила Сюзанна. — Уверяю вас, мистер Кленов, что на десятки километров вокруг вы не найдете лучшего места для отдыха.

— Это ваш аппарат? — спросил Роберт.

— Да, — ответил Виктор и, обращаясь к девушке, добавил: — Мы случайно приземлились здесь, мисс Эдвин, и не собираемся задерживаться. Через несколько минут

аппарат покинет Симбаленд. Я не могу, к сожалению, воспользоваться вашим гостеприимством.

— В аппарате космические гости? — быстро спросил Роберт.

— Один, — устало ответил Виктор. — Сейчас я буду говорить с ним. Не пугайтесь. Это... Это не совсем обычно, но никакой опасности не представляет.

— О! — только и смог вымолвить Роберт. — Это же!.. Это же черт знает как интересно!

Виктор усмехнулся и спросил сапиенса:

— Ты хочешь еще остаться здесь?

— Да.

Ответ громыхнул, как щелканье огромных металлических челюстей над головой. Роберт напряженно вытянулся, всматриваясь в шар. Сюзанна вскрикнула и, вцепившись в брата, закрыла глаза. Некоторые из парашютистов бросились ничком на траву, другие шарахнулись в стороны. Их командир стал торопливо креститься.

— Я, ничего, не, понял, — как будто оправдываясь, гремел и скрежетал Луч Мысли. — Машина, не, переводит, звуки.

Виктор почувствовал безмерную усталость.

Луч Мысли что-то еще доказывал ему.

При каждом слове сапиенса, которое обрушивалось на ошеломленных людей и гремело, наполняя гулом поле, ресницы Сюзанны испуганно вздрагивали, а плечи опускались, словно в ожидании удара, но сразу же она вскидывала голову, пытаясь гордо и смело смотреть опасности в лицо, пока следующее слово опять не заставляло ее испуганно съеживаться.

Виктор с досадой взглянул на ее брата. Тот одурело уставился на шар, не замечая состояния сестры.

— Ты, говорил, что, одни, люди, убивают, других, — не унимался Луч Мысли. — Но, эти, люди, не, убивают, тебя.

Убеждать его сейчас было бесполезно.

— Хорошо... Мы остаемся... — сказал Виктор. — Только помолчи, пожалуйста.

Он обессиленно прислонился к корпусу катера.

Стало тихо-тихо.

— Это машина-переводчик? — с напряженным любопытством спросил Роберт.

— Да.

— Она реагирует непосредственно на слова?

— Да.

— Что, говорит, мужчина, — сейчас же загремел Луч Мысли.

— Он хочет задать тебе вопросы.

— Я, готов, отвечать.

— Вы можете поговорить с космическим гостем, мистер Эдвин, — предложил Виктор.

— Спросите его, как эта машина отыскивает нужный перевод, — сразу же попросил Роберт. — Неужели она каждый раз сверяет произнесенное вами слово последовательно со всеми словами, которые заложены в ее механи-

ческой памяти? На это должно уйти какое-то время! А она переводит мгновенно... Вы понимаете меня, мистер Кленов? Очевидно, автомат действует на каком-то ином принципе, на принципе живой мысли. Я понятно выражаюсь?

— Вы работаете в области технической кибернетики, мистер Эдвин? — спросил Виктор.

— Да, примерно... Точнее, я занимаюсь вопросами комплексной автоматизации производственных процессов.

— У вас найдется о чем поговорить с космическим гостем, — улыбаясь, сказал Виктор. — Я попытаюсь перевести ему ваш вопрос.

— Я вам буду очень признателен, мистер Кленов.

— Я советую вам немедленно отдохнуть, — неожиданно вступила в разговор Сюзанна. Она уже оправилась от испуга, но была еще бледна. — У вас даже заострилось лицо. Это признак острого, опасного переутомления. Нельзя безнаказанно принуждать себя. Вам надо немедленно отдохнуть!

Виктор вспомнил разговор с сапиенсами о полете на Землю, последний затянувшийся сеанс, которым доконал его Луч Мысли, мелькание картин на невидимом экране... Теперь это казалось далеким, очень далеким прошлым. С тех пор он еще не спал.

— Я только попытаюсь ответить на вопрос вашего брата, мисс Эдвин, — сказал он. — Это действительно очень интересно. Я ведь кибернетикой не занимался специально, мне даже в голову не пришло, что это так важно: сразу или не сразу переводит машина.

— Можно я обращусь к нему по-русски? — спросила Сюзанна. — Я знаю несколько слов.

Виктору показалось, что она старается помешать брату. И сразу же лихорадочные, торопливые мысли понеслись, закружили, перебивая и мешая друг другу... Представитель администрации... Международный картель «Вест-Уран»...

— Пожалуйста, мисс Эдвин, — сказал он.

Она сделала глубокий вдох, в нерешительности прикусила нижнюю губу, помолчала и, наконец, чуть слышно сказала по-русски:

— Здравствуйте...

— Я, здесь, один, — сейчас же ответил Луч Мысли.

— Машина не в состоянии воспроизвести правила этикета, — улыбаясь, по-русски сказал ей Виктор. — Ей надо говорить «здравствуй», обращаться на «ты».

— Что, такое, этикет.

Сюзанна не слушала Виктора, да, очевидно, и не могла понять такой сложной фразы. Она опять прикусила губу, что-то сосредоточенно вспоминая, потом решительно сказала:

— До свидания! Спасибо!

— Я, еще, не, провел, ни, одной, беседы, — загремел сапиенс. — Я, ничего, не, узнал, о, Земле, почему, вы, уходите.

Роберт стоял уже рядом с Виктором.

— Вы не перевели ему мой вопрос, мистер Кленов? — осторожно спросил он.

— Что, говорит, мужчина, почему, ты, не переводишь, его, слова.

— Космический гость очень устал после перелета, — сказал Виктор, а сапиенсу ответил по-русски: — Мне надо отдохнуть. Мы проведем беседы позже.

— Когда.

— Через несколько часов.

Сейчас надо было отвлечь внимание этих людей и сапиенса, подумать, разобраться...

— Я с удовольствием воспользуюсь вашим приглашением, мисс Эдвин.

— Мы можем поместить пока космический аппарат в ангар нашего аэродрома, — предложил Роберт. — Там гостю будет удобнее отдыхать, да и держать связь с внешним миром легче: на аэродроме прекрасная радиостанция. Охрану аэродрома обеспечат парашютисты. Вас отвезет домой Сюзанна, а я займусь перевозкой аппарата — у нас есть большие автоплатформы.

— Хорошо, мистер Эдвин, я не возражаю.

— Не беспокойтесь, мистер Кленов. Мы всё сделаем!

— Закрывайся, — сказал Виктор сапиенсу. — Тебя перевезут в другое место. Не разговаривай без меня ни с кем.

Крылья катера плавно приподнялись и захлопнулись, корпус снова стал глухим, без щелей.

РАДИ ЧЕГО?..

За стеной кустарника начинался крутой склон, покрытый выгоревшей травой. Внизу был виден яркий тропический лес с раскидистыми кронами деревьев. Слева расстилалась зеленая бамбуковая роща, похожая сверху на поле, засеянное рожью. За лесом открывалась сверкающая даль большого озера, уходящего к горизонту. На берегу Виктор заметил круглые, как шатры, хижины небольшого поселка. Очевидно, того самого...

Сюзанна напряженно смотрела вперед. Брови у нее были нахмурены. Она вела машину без дороги, осторожно пробираясь по склону. Машину качало и подбрасывало.

— Вам много пришлось пережить там... наверху? — негромко спросила она.

— Да, немало... — неопределенно ответил Виктор.

— Ну, а скажите по совести, мистер Кленов, — с жаром воскликнула Сюзанна, — стоят ли люди того, чтобы из-за них?.. Ну, вот так, как вы... Вы ведь в конце концов не мифический Иисус Христос? Или вы верите, что в жизни существуют добро, благодарность людей, справедливость? Почему вы не отвечаете?

— Так много вопросов, мисс Эдвин!

— Извините, — немного смутившись, сказала она. — Но на один вопрос я очень прошу вас ответить.

— Пожалуйста.

— Неужели и эти космические гости такие же варвары, как люди?

— Среди людей очень много хороших, мисс Эдвин.

Она недоверчиво взглянула на него.

— Вы так думаете?

— Я знаю, мисс Эдвин.

Он хотел еще что-то объяснить ей, но нестерпимо хотелось спать. Глаза закрылись, и открывать их было лень. Хотелось, чтобы Сюзанна ехала медленнее, чтобы его не так трясло.

— Что же вы знаете? — снова спросила она.

Она продолжала прежний разговор, а Виктор уже забыл, о чем они говорили. Да, он ей сказал, что люди бывают хорошие... Хорошие! Да, их большинство хороших! А девушка не поверила ему...

Ладно, он ей расскажет, что знает и думает о людях... Только потом...

— Так... Знаю... — в полусне ответил он и, с трудом приоткрыв глаза, увидел, что Сюзанна смотрит на него и улыбается тепло и немного смущенно.

Машина поехала медленнее. Совсем потихоньку...

Виктору стало спокойно и хорошо. Он подумал, что она очень странная... Спрашивает о других, а сама хорошая... Заботливая...

* * *

Сюзанна не терпела ни сентиментальности, ни романтического благодушия. Она всегда считала, что холодный скепсис, даже цинизм, — самое подходящее отношение к этому дрянному миру, в котором все ложно, жестоко, эгоистично. Всякие романтические ахи о чем-то возвышенном и прекрасном она связывала либо с недостатком ума, либо с ханжеством тех, кто уверял ее в своих благородных порывах. Даже любовь, эта красивейшая из человеческих выдумок, — тоже ложь. Никакой любви не было и нет! В юности бывает немного страсти, дурманящей голову, в старости — привычка и боязнь перемен. Вот и все!

Она хотела так думать, всегда старалась заставить себя быть равнодушной, расчетливой, холодной и... никогда не была такой...

И с этим русским получилось то же самое.

Еще когда газеты писали, что Виктор Кленов готовится в полет, она все думала: ради чего он понесется туда, может быть, к своей смерти? Она старалась убедить себя: тщеславие, деньги в конце концов просто глупость. И чувствовала, что все это не то...

Нет, он не укладывался в рамки ее философии. Это сердило ее и вместе с тем радовало, как будто она только и ждала, чтобы ее переубедили.

Когда же газеты сообщили, что Неизвестность поглотила русского космонавта, ее охватило отчаяние. Она без конца рассматривала фотографии этого человека, который

был с точки зрения ее холодных рассуждений просто странным чудаком и вместе с тем так волновал ее, так жестоко спорил с ней.

Его смерть казалась ей непростительной, нелепой... Она не верила. Это было бы слишком жестоко! Пусть в мире мало справедливости, но хоть капля есть? Хотя бы для этого Дон Кихота, который, наверное, верил во что-то светлое, когда летел туда...

И погиб...

Она ждала опровержений, ждала упрямо, удивляясь себе, не слушая никого, и когда радио, захлебываясь, объявило, что сама Неизвестность промигала на землю русский текст, она заплакала от счастья и торжества.

Он победил!

...Сюзанна вышла на веранду, с которой было видно озеро, опустилась в кресло и стала смотреть вдаль.

В противоположной стороне дома послышались шаги Роберта. Хлопнула дверь. Роберт заглянул на веранду и обрадованно воскликнул:

— Вот ты где спряталась!

Он подошел к плетеному креслу, опустился в него и спросил:

— Ну, как ты устроила нашего гостя?

Лицо у него было возбужденное, веселое.

— Я поместила его в угловой комнате, он уснул в машине... Он просил послать телеграмму его жене в Москву... А еще я вызвала с рудника портного. Не может же русский ходить все время в своей зеленой шкуре и космических сапогах!

— Ты просто гений, Сью! И вообще все так хорошо, так удачно! Это все не снится мне, Сью?

Сюзанна покачала головой.

— Нет, Роб. Ты думаешь, это поможет тебе?

— Ну, конечно же, девочка! Судя по всему, космические гости питают самые добрые намерения к Земле и далеко обогнали нас в технике. Они, очевидно, давно уже решили то, что предстоит решить мне.

Он поднялся с кресла, несколько раз прошелся по веранде и остановился у стеклянной стены, мечтательно всматриваясь в далекие горы за озером.

Сюзанна без улыбки, внимательно следила за ним.

Неужели он так никогда и не поймет, как это опасно и не нужно — мечтать? Неужели его ничему не научили события в Касилье?

Роберт был для нее матерью, отцом, семьей. Мать их задушила раковая опухоль вскоре после рождения Сюзанны. Отец стал много пить, и пьяного его убило на работе током. Шестнадцатилетний Роберт взял заботы о сестре на себя. Он вырастил и воспитал ее, учился сам, настоял, чтобы училась и она. Он один, совсем один сражался против жестокого врага, который называется «жизнь».

В Касилье, где Роберт нашел, наконец, работу инженера, им казалось, что жизнь сменила гнев на милость. Сюзанна окончила школу и готовилась в университет. У них даже были небольшие сбережения.

Все было хорошо, пока однажды Роберт не пришел вечером расстроенный и растерянный. На заводе, где он работал, готовилось сокращение. Профсоюз санкционировал увольнение Роберта и еще нескольких десятков новичков.

Снова жизнь оскалила свою злобную пасть...

Несколько месяцев они могли продержаться на пособие по безработице. Роберт сидел над своими схемами и расчетами дни и ночи. Он работал как одержимый, набрасываясь то на одну, то на другую книгу. Чувствовалось, что человек схватился с жизнью насмерть: либо победит ее раз и навсегда, либо надорвется и упадет, обессиленный, среди разбросанных по всей комнате бумаг. Тратить сбережения он позволял только на книги — деньги нужны были Сюзанне для поступления в университет. Работать ей он тоже не разрешил, а попросил в свободное время изучать рецепты приготовления различных блюд.

Это было мучительно. Они жили впроголодь. Часто Сюзанна, знакомясь с переводами французских, русских, английских, китайских или японских кулинарных книг, представляла себе вкусные, с возбуждающим запахом блюда и судорожно глотала голодную слюну. Но это нужно было Роберту.

Он мечтал о создании комплексов автоматов, которые совершенно заменили бы ручной человеческий труд. Мэр города предложил ему разработать проект автоматического ресторана. Касилья, приморский старинный город, привлекал много туристов. Такой ресторан, единственный в мире ресторан-автомат, ресторан-робот, послужил бы хорошей рекламой городу.

Им очень помог в эти дни старый повар француз Регамэ. Он приносил не еду, нет, — господь свидетель! — он просто раскрывал им секреты приготовления пищи и заставлял пробовать образцы.

Срок пособия по безработице еще не истек, когда муниципалитет Касильи одобрил принципиальные схемы ресторана-робота. На его сооружение город отпустил большие средства. Роберту было поручено руководить строительством ресторана.

Сюзанна уехала в столицу, в университет. Они с Робертом неожиданно разбогатели.

Через год, когда она приехала на каникулы в Касилью, ресторан Роберта был уже открыт. Тогда же она впервые заметила, что у брата совсем седые виски, хотя ему не было и тридцати.

Но ресторан оказался чудом! Это была широкая, со вкусом оформленная площадка в прибрежных скалах. Здесь не было ни официантов, ни администраторов. Надо было только выбрать в специальном красочном проспекте из сотен разнообразных блюд те, которые требовал сегодня твой каприз, и набрать на диске, похожем на телефонный, порядковый номер блюда. Через несколько минут в причудливой вазе в центре стола появлялись свежеприготовленные по-королевски роскошные яства.

Кухня была скрыта под полом, в глубоком котловане, выбитом в скале. Там работали только автоматы. Каждый из посетителей считал своим долгом заглянуть на кухню и познакомиться со сложным комплексом разнообразнейших автоматических устройств, объединенных волей Роберта в один целенаправленный механизм.

Роберт мчался на крыльях удачи! Он стал кумиром и гордостью деловых кругов города. Новый ресторан действительно получил широкую известность и в стране и за границей. От посетителей не было отбоя. Говорили о создании второго, еще более усовершенствованного ресторана-робота.

В один из вечеров Сюзанна зашла к Регамэ.

Старый повар был без работы. Роскошный приморский ресторан закрыли, потому что у города был теперь ресторан-робот. А роботу не нужны повара...

После этого вечера у Сюзанны был, пожалуй, самый затяжной приступ острой болезненной ненависти к жизни, в которой нельзя быть счастливым, не раздавив насмерть хотя бы старика Регамэ...

А Роберт раздавил тогда, кажется, многих... Машину, в которой он ездил, безработные забросали камнями... На дверях их квартиры ночью кто-то повесил табличку с надписью: «Роберт, вспомни — ты сам был безработным!» В скалах, на виду у посетителей ресторана появился огромный транспарант: «Автоматизация в условиях капитализма — это безработица и нищета масс!»

Роберт был ошеломлен. Он стал угрюмым и злым. Отказаться от дел он не мог. Тогда они остались бы без средств. К тому же он был полон планов и надежд, мечтал о коренном решении проблемы комплексной автоматизации любых производственных процессов.

В это время их посетил один из крупнейших акционеров международного картеля «Вест-Уран» Аб Баркет, совершавший путешествие по Европе. В беседе он как будто между прочим предложил Роберту автоматизировать добычу и обогащение урановой руды на предприятиях кар-

теля в Симбаленде. Условия работы там требовали срочно решить эту проблему. Среди рабочих рудников не прекращались волнения.

Роберт с радостью принял предложение.

Вскоре Сюзанна снова уехала в университет, а Роберт — на рудники картеля.

Теперь, через год, Сюзанна нашла Роберта в Симбаленде почти наместником бога на земле. Власти протектората не вмешивались в дела картеля. У Роберта были довольно многочисленные энергичные и распорядительные помощники, полицейские, даже вооруженные силы под видом охраны рудников. Но какая-то новая задача, новый нерешенный вопрос не давали ему покоя. Очевидно, это было что-то совсем необычное, если он хотел прибегнуть к помощи космических гостей.

Роберт все еще смотрел на озеро, слегка улыбаясь.

— Ты можешь мне толком объяснить, чего ты добиваешься? — спросила Сюзанна.

Роберт оглянулся и засмеялся.

— Это не для ума хорошенького и совсем еще юного филолога, Сью...

— Роб!

— Ну, хорошо, хорошо...

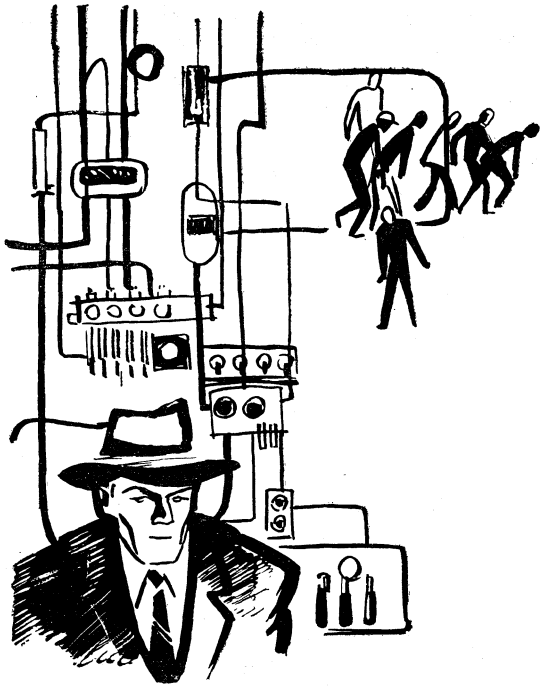
Он уселся на стол, болтая ногами. Эту дурную привычку Роберт перенял, очевидно, у американцев, которые работали вместе с ним.

— Ты знаешь, что машины играют в шахматы? — спросил он. — Это, конечно, не совсем то, что нужно для управления производством, но похоже. Такой машине надо проанализировать все положения фигур за несколько ходов вперед и выбрать самый выгодный. Самый выгодный в конкретной обстановке, в той, которая сложилась на доске! Для этого ей надо оценить миллионы возможностей. Миллионы, Сью! Все без исключения! И все они, кроме одного, наивыгоднейшего, оказываются ненужными, на них можно было бы не тратить время...

Сюзанна внимательно слушала. Лицо его, сосредоточенное, вдохновенное, было сейчас очень красивым.

— Живой шахматист не будет анализировать миллионы вариантов, — продолжал Роберт. — Он не может, да ему и не нужно это делать. Он интуитивно, без рассуждений отбросит все миллионы вариантов и проанализирует лишь три-четыре, ну в крайнем случае — десяток из них. Ты понимаешь меня? Я хочу, чтобы наши решающие машины тоже научились не искать там, где им не найти ничего хорошего. Я хочу снабдить их этим поразительным свойством человеческого мозга — интуицией! Это весь жизненный опыт, собранный мгновенно, как в фокусе, в нужной области мозга. Так должны работать и наши управляющие машины! Для этого — увы! — надо пересмотреть самые принципы счетно-решающих машин.

Он замолчал, удрученный какими-то мыслями, потом, точно подбадривая себя, закончил:



— Но это обязательно нужно сделать! Тогда, только тогда станет возможным автоматическое управление сложнейшими производственными процессами. Будут созданы автоматические шахты...

— А люди? — резко спросила Сюзанна.

— Что люди? — не понял он.

— Куда денутся люди, которые сейчас работают на этих шахтах, рудниках и так далее? Роб, милый, вспомни Регамэ! Вспомни Касилью! Разве это не жизненный опыт? Это ведь уже было с тобой?

Роберт помрачнел, потом слез со стола, подошел к ней и ласково взъерошил ей волосы.

— Это не наше дело, девочка, — мягко сказал он. — Мы с тобой маленькие простые люди, которым очень хочется счастья прежде всего...

— Ты хочешь сказать — себе?

— Верно, девочка, себе... И не хмурься! Чувствуется, что в университете ты нахваталась идей... А жить — это жить! Это занятие, вообще говоря, безыдейное, некрасивое... Не мы с тобой придумали жизнь такой нелепой и неласковой... Почему же стыдиться должны именно мы?

Мой жизненный опыт включает и те дни, когда мы жили на пособие... Ну, не хмурься же! Это совсем не идет тебе! Мы должны сегодня понравиться нашему гостю. На свое обаяние я не очень надеюсь, а ты вполне можешь подружиться с ним. Ну, будь же умницей, Сью!

Его ласковый голос, покровительственный тон успокоили, убедили ее. Конечно же, она опять поддалась романтическим бредням! Роберт прав — романтикой не проживешь! Жизнь — драка... Драка за право жить...

И уже, собственно, по инерции, из упрямства, она недовольно сказала:

— Ты стал совсем деловым человеком. Хочешь использовать меня как приманку?

— Сью! — укоризненно и удивленно воскликнул Роберт.

Она испугалась, что огорчила его, и смущенно улыбнулась.

— Извини, Роб... Я как-то взвинчена сегодня. Наверное, еще не привыкла быть на этом бешеном солнце.

На веранду вошла молоденькая негритянка Нтомби, которую Роберт нанял для услуг Сюзанне.

— Белый гость проснулся, пунзи Роберт, — сказала она.

На языке батота «пунзи» означало что-то похожее на «повелитель» или «господин». Так они обращались только к вождю племени, к главному колдуну и ко всем белым. Сюзанна не любила это неприятно режущее слух слово.

„СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!"

За обедом Виктор поймал себя на том, что ест, торопливо глотая куски. Как у Архипа Степановича, когда готовился в полет... И вот все кончилось благополучно и с такими захватывающими результатами, о которых он не смел и мечтать. Можно было бы, кажется, теперь и отдохнуть.

А он снова поспешно глотал обед, явно огорчая хозяев...

Ему обязательно нужно было быстрее увидеть катер с сапиенсом...

Роберт за обедом рассказывал, как перевозили космический аппарат в ангар. Виктор вспомнил склон, по которому они с Сюзанной спускались к озеру, и понял, что Роберт справился с нелегкой задачей.

— Вам придется извиниться за нас перед космическим гостем, — огорченно сказал Роберт. — Уже в конце спуска мы так тряхнули аппарат, что я испугался за пассажира. Они не обидчивы?

— Ну, если бы кому-нибудь удалось всерьез рассердить нашего гостя, то я не позавидовал бы провинившемуся, — пошутил Виктор. — Уже через несколько минут и вы и ваши машины очутились бы в Атлантическом или Индийском океане. А может быть, на одном из полюсов Земли... В зависимости от того, кто с какой стороны стоял бы.

— О! — удивленно и, как показалось Виктору, обрадованно воскликнул Роберт. — У них такая хорошая техника?

— Да, неплохая. Эти корабли, во всяком случае, отбрасывают встречные метеоры. Вообще их наука и техника опередили многие наши достижения.

— Например? — с любопытством спросил Роберт.

— Ну, хотя бы в медицине... Они, мистер Эдвин, не только излечивают, но и предупреждают все заболевания, в том числе раковые...

— Космические гости внешне похожи на людей? — спросил Роберт. — У них та же анатомия и физиология?

— О нет! — улыбнулся Виктор. — Много отличий! Строение клеток и даже белок сходны с нашими, но они выносят большую наружную температуру.

— Кстати!.. — перебил его Роберт. — Я не заметил на шаре отверстий. Каким же образом космический гость видел нас?

— Они воспринимают довольно жесткое рентгеновское излучение и способны излучать сами, — охотно объяснил Виктор. — Материал шара проницаем для этого вида лучей и непрозрачен для обычного света, который воспринимает наш глаз.

— Какая своеобразная форма чувств! Простите, мистер Кленов, а автоматика, кибернетика у них получили тоже большее развитие?

— Большее, чем мы можем себе представить, мистер Эдвин.

— Мне хотелось бы выпить бокал вина, — неожиданно сказала Сюзанна. — За ваше возвращение, мистер Кленов... Или космонавтам нельзя пить?

— Ну, за возвращение можно.

— За ваше счастливое возвращение, — подняла Сюзанна бокал, глядя на Виктора задумчиво и немного грустно.

Виктора удивил, даже несколько встревожил этот взгляд.

— Очевидно, вы прежде всего хотели бы поговорить с вашим послом? — спросил Роберт.

— В Симбаленде есть советский посол? — удивился Виктор.

— Нет, конечно, мистер Кленов. Но ваш посол в Блэк-Одане просил соединить его с вами, как только вы отдохнете. Вы можете поговорить с ним по нашему домашнему телефону через радиостанцию на аэродроме. Я распорядился подготовить все необходимое. Надо только пройти в мой кабинет, — добавил он, поднимаясь со стула.

— Я пойду с вами! — поспешно воскликнула Сюзанна и тоже встала.

— Мы скоро вернемся, Сью, — сухо сказал Роберт.

— Я боюсь, что вы забудете обо мне... А мне так хочется поехать с вами на аэродром!

В кабинете Роберт подошел к телефону, заказал разговор. Виктор, ожидая, сел в большое мягкое кресло.

— Так вы говорите, мистер Кленов, что автоматизация у космических гостей получила большое развитие? — повторил Роберт, взглянув на Виктора.

— Да, очень...

— Скажите, пожалуйста, — перебила его Сюзанна, — а у них тоже есть вино, и цветы, и...

Виктору снова показалось, что она хочет помешать их беседе, но сейчас ему было очень хорошо и очень не хотелось думать о неприятном.

— И еще... Вы не можете называть меня просто Сюзанной? Мне было бы приятно...

— Пожалуйста, Сюзанна! Только о вине и цветах я не могу ничего сказать. Просто не поинтересовался. А вы не знаете, кто такой О'Мбата?

— Вы слышали о нем? — воскликнула Сюзанна, явно обрадованная переменой темы. — О, это почти мифическая личность! Он родился в Симбаленде, но юность провел во Французском Камеруне. Когда Камерун был еще французским... Потом он воевал в Тунисе, в Италии, получил офицерское звание, а после войны работал в Марселе журналистом. Говорят, проявил незаурядный талант, бывал в Китае, в Америке, у вас в России, даже издал книгу стихов.

— Стихов? — удивленно переспросил Виктор.

— Да! И представьте — очень неплохих. Мне, правда, не нравится неустойчивый ритм его стихов, но они очень искренни. Кстати, его поразила в России, где-то на юге Сибири, картина наступления тракторов на пустынную землю...

— На целинную... — поправил ее Виктор.

— Да, на целинную. Он мечтал, как на саванны Симбаленда двинутся десятки, сотни тракторов...

— И он вернулся в Симбаленд?

— Да. Вначале издавал здесь газету. Его арестовывали несколько раз. Теперь он предводитель местных террористов. Раньше они действовали легально, у них была даже какая-то партия, но потом повели себя очень дерзко, и правительство пошло на репрессии. Говорят, в скалах у них несколько крупных отрядов под общим командованием О'Мбата.

— Внимание! — сказал Роберт. — Нас соединяют с Блэк-Оданом.

Виктор подошел к телефону. Протягивая Виктору трубку, Роберт торопливым шепотом сказал:

— Ваш посол!

Виктор, волнуясь, приложил трубку к уху.

— Товарищ Кленов? — радостным басом загудела трубка. — Виктор Петрович?

— Да, товарищ посол.

— Зовите меня просто Александр Семенович. Мы ведь с вами земляки. В буквальном смысле земляки. Я, как и вы, ростовчанин. Поздравляю вас от души с благополучным приземлением. Мы все гордимся вами. У посольства собирается огромная толпа горожан. Сейчас пойду к ним. Сотрудники посольства не шутя опасаются, как бы нас

всех не растащили по частям на сувениры в честь вашего возвращения. Знаете, арабы — народ горячий, искренний... — потом добавил с теплотой: — Из Москвы вам просили передать поздравления.

— Спасибо. Или мне теперь полагается отвечать: служу Советскому Союзу?

— Ну, что ж, в вашем положении, пожалуй, можно и так.

Виктор насторожился.

— Впрочем, вы теперь боец бывалый, службу знаете, — весело продолжал посол. — Желаю дальнейших успехов! Ваш космический товарищ не собирается посетить Советский Союз?

— Обязательно, Александр Семенович! Мы здесь долго не задержимся.

— Но я все же прилечу к вам! Боюсь, не раньше чем завтра. Сейчас бы уже был с вами, да Симбаленд не принимает... Так что до утра служите в единственном числе. Дайте, пожалуйста, трубку мистеру Эдвину. Хочу поблагодарить его за оказанное вам гостеприимство.

— До свидания, Александр Семенович. Жду вас завтра.

— До свидания, Виктор Петрович.

Пока Роберт соревновался с послом в любезностях, Виктор напряженно думал о разговоре. «Желаю дальнейших успехов...» Значит, посол считает, что впереди у него серьезные трудности... «В вашем положении, пожалуй, можно»... Впереди — борьба...

Как только Роберт положил трубку, Виктор спросил:

— Теперь мы можем ехать на аэродром?

— О да, конечно! Подожди нас на веранде, Сью! Мы только докурим сигары.

Сюзанна встревоженно взглянула через плечо на Виктора.

Дверь закрылась.

— Я предпочитаю немедленно ехать на аэродром, мистер Эдвин, — недовольно сказал Виктор, вставая.

Роберт несколько секунд стоял к нему спиной, держась за ручку двери, и оттого, что он, кажется, не решался обернуться, Виктору стало душно. Он понял. Перед ним стоял враг. Враг его, сапиенса, людей. «До утра служите в единственном числе», — вспомнилось ему.

Роберт медленно прошел по большому темному ковру, жестом предложил Виктору снова сесть в кресло. Виктор отрицательно покачал головой. Роберт усмехнулся и неторопливо сел.

— У меня создалось впечатление, мистер Кленов, что вы не собираетесь делиться с нами научными достижениями космических гостей, — глухо сказал он. — Я не хочу вам угрожать, но...

— Наш гость проведет очень подробные беседы на самые различные темы, — перебил его Виктор.

— Когда? Где?

— Я не предполагал советоваться с вами об этом, мистер Эдвин.

Виктор ничего не боялся сейчас. Корпус катера останется закрытым, пока он сам не скажет сапиенсу, что людям, подошедшим к аппарату, можно верить. Было просто неприятно и досадно...

НТОМБИ СОВСЕМ ЧЕРНАЯ

Сюзанна, не отрываясь, смотрела сквозь стекла веранды на озеро. Половину неба закрыла туча, и от этого вода стала черной. По озеру беспрерывно бежали мелкие с разорванными гребнями волны. Такие же волны, только крупнее, шире, колыхали заросли тростника, и он шумел однообразно, уныло. Но еще неприятнее шумела от ветра бамбуковая роща. Она трещала и тарахтела тонкими мертвыми стволами, как будто кто-то торопливо тряс в мешке высохшие кости.

Роберт все не приходил...

Сюзанна понимала, что за дверью кабинета идет тот разговор, которому она безуспешно пыталась помешать.

Брата теперь не остановить... Как норовистый конь, закусив удила, он понесется в пропасть, увлекая за собой и ее. Если русский доверит ему секреты космических гостей... В Касилье люди забросали Роберта камнями. Что они сделают с ним теперь? Убьют? Растерзают?

А если русский не согласится? Роберт не успокоится, пока не вырвет у него решения своей задачи... А хозяева картеля? Они-то ни за что не выпустят добычу из рук!.. Что же делать?

День кончался. Роберта все не было...

Наконец она услышала его шаги и быстро повернулась к двери.

Лицо Роберта горело, взгляд был тяжелым и неподвижным, лоб пересекала глубокая морщина... Он подошел к стеклянной стене и стал, как перед этим она, смотреть на озеро, сердито постукивая пальцами по раме.

— Мы не поедем на аэродром? — осторожно спросила Сюзанна.

Он отрицательно покачал головой.

Сюзанна все поняла. Роберт пытался силой вырвать у русского то, что ему было нужно.

— Уедем отсюда, Роб, — попросила она. — Уедем! Ты где-нибудь найдешь место инженера. Тебя теперь везде с удовольствием примут на работу. Уедем, Роб. Мне страшно... Я боюсь за тебя.

Роберт отошел от стены, сел в плетеное кресло.

— Иди ко мне, девочка... — позвал он.

Сюзанна взобралась к нему на колени и прижалась к груди. Он мягко и ласково обнял ее за плечи.

Так он делал давно-давно, когда она была совсем еще маленькой. Он ей рассказывал тогда сказки.

— Рассказать тебе сказку? — предложил он.

Это шутливое предложение сразу вернуло ее к действительности.

— Нет, Роб. Скажи лучше, почему ты не поехал на аэродром? — попросила она.

— О, да ты теперь совсем большая, — грустно сказал Роберт, и ей показалось, что руки его на ее плечах стали тяжелыми и неподвижными, как деревяшки. — Раньше ты не требовала у меня отчета.

Она уже поняла, что все потеряно, и ей сразу стало неудобно и неуютно на коленях у брата. Но она все еще надеялась, теперь уже испуганно и отчаянно.

— Скажи, — потребовала она.

Роберт, кажется, сделал движение, пытаясь освободиться или, может быть, просто сесть удобнее, но она отчаянно вцепилась в него.

— У борьбы свои законы, Сью, — глухо сказал Роберт. — Это страшные законы. Чтобы быть хорошим, как добрые герои сказок, надо быть или сказочно сильным, или отказаться от борьбы...

— Но почему же, Роб? — Она встала и подошла к окну.

— Потому, что чем меньше мы думаем о средствах, тем больше у нас шансов победить.

— Да, конечно, — подумав, тихо сказала она. — Так, конечно, проще победить. Но... Но я не понимаю тебя. Зачем это тебе? Сегодня, сейчас! Он появился так неожиданно... Случайно. Его могло и не быть! Разве ты не можешь не бороться? Просто помогать ему.

— Уж не влюбилась ли ты в нашего гостя? — спросил Роберт.

Сюзанна почувствовала по его голосу, что он улыбается, но хорошо, без насмешки.

— Нет, Роб. Впрочем... Не знаю! Но сейчас не в этом дело. Это гораздо серьезнее. Я чувствую, вижу, что он... он неуязвим! А ты... ты погибнешь, Роб.

— Ну, меня не так просто победить, Сью. Ты могла убедиться в этом хотя бы в Касилье.

— А если я тебя попрошу? — спросила она. — Очень попрошу?

— Я не смогу исполнить твою просьбу, — вздохнув, сказал он. — Извини, мне надо идти.

Сюзанна не оглянулась, когда он встал. Шаги его стали удаляться. Уже в дверях он остановился:

— Сью!

— Да, — не оборачиваясь, сказала она.

— Из дома сегодня выходить нельзя.

Сюзанна сказала только:

— Хорошо, Роб.

— И ночью — тоже!

Она молча кивнула.

Роберт ушел.

Сюзанна долго стояла у стеклянной стены, наблюдая, как в черных красках тучи, нависшей над озером, играли багровые лучи заходящего солнца. Кажется, мыслей у нее не было совсем. Только потом она поняла, что думала все это время не о брате, а о Викторе... О старике французе Регамэ... Об отце и маме, которых она не помнила... Как

это будет хорошо, если люди совсем перестанут умирать от рака! И хорошо, если людям вообще не нужно будет отравлять свою юность борьбой за право жить... Думала об озлобленных, несчастных безработных у биржи труда в Касилье, бросавших в Роберта камни. О том, что Виктору, когда он вернется к себе, люди будут бросать цветы. Горы цветов... Русские, говорят, любят дарить цветы. А это очень красиво — идти по дороге, усыпанной цветами! Как в сказке, где добрые всегда побеждают злых...

Это были не мысли, а обрывки воспоминаний или мелькающие видения, пока одна мысль, пугающая, страшная, но неизбежная, не овладела ею. Она вспомнила о людях, укрывшихся в скалах, об их предводителе О'Мбата и о том, что Нтомби, ее служанка, когда они остаются вдвоем, называет ее иногда не этим неприятным словом «пунзи», а ласковым «номи» — «подружка». Нтомби совсем черная. Если она укутается во что-нибудь темное, ей будет легко ночью незамеченной добраться до поселка у озера...

ПРАЗДНИК АБА БЕРКЕТА

Роберт решительно подошел к столу и снял трубку телефона.

Надо было действовать. Рубикон перейден!

И бросил трубку на рычаг.

Еще есть возможность не начинать борьбу. Можно объясниться с русским, извиниться, сказать, что не подумал, ошибся... Будет стыдно, но он, Роберт, по совести говоря, заслужил это.

А что будет потом?

О том, что автоматизировать все производственные процессы симбалендских урановых рудников не удастся, знал пока он один. Он не видел возможности сделать это! Управление получалось слишком сложным, несовершенным и медлительным. Оно не успевало приспосабливаться и к быстро меняющимся производственным процессам.

Нужен был иной принцип работы управляющих машин, очевидно, тот, на котором работала машина-переводчик космического гостя. Если он не справится, Беркет поручит автоматизировать рудники другому. А Роберт Эдвин окажется за бортом жизни и будет глядеть, как процветает Аб Беркет.

Может быть, бороться? С Беркетом и со всем этим волчьим миром? Что его ждет тогда?

Борьба, аресты, тюрьмы! Нет, это не для него!

И ведь сейчас, в эту минуту, Кленов только в его руках. Что русскому стоит попросить космического гостя ответить на его вопрос?

Но Виктор Кленов не хотел...

Незачем было обещать миллионы, угрожать. Все это не для таких, как Кленов. С ним надо действовать тоньше и решительнее. Например... Например, приставить пистолет

к виску кого-то другого... Не самого Кленова, нет! Кого-то, кто дорог ему. И предупредить: «Считаю до трех...»

Этого Кленов не выдержит! Нет, не выдержит!

Роберт поднялся, прошелся по кабинету, разминаясь, чувствуя, как воля и энергия возвращаются к нему, радуясь, что сомнений больше нет.

Будет грандиозный мировой скандал... Завтра же во всем мире может подняться такой крик, что ни одно правительство не рискнет связать себя с этими событиями открыто. Но сегодняшние звонки Беркета и генерал-губернатора? Что это, как не прозрачный намек, если не прямое поручение? Если завтра он, Роберт Эдвин, преподнесет им — и властям и шефу — покорного и послушного Виктора Кленова, перед ним откроется гладкая дорога.

Роберт вздрогнул. Домечтался! Он, Роберт Эдвин, талантливый инженер, который когда-то мечтал об умных, ловких, красивых машинах, наделенных его волей, его знаниями, его трудом, стал в мыслях гангстером, преступником, авантюристом.

Роберт почувствовал, что никогда, ни за что ему не сделать того, что задумал.

И это неожиданно родило новую, удивительно простую и ясную мысль.

Ну, конечно же! Конечно, он не решится спустить курок! Но тогда можно с чистой совестью приставить пистолет к чужому виску и просчитать: «Раз, два, три...» Просто попробовать? Не каждый выдержит такое! Если не получится... Ну что ж! По крайней мере будешь знать, что сделал все возможное. А вдруг получится?! Гамма-лучи...

Роберт прекрасно знал, что это значит.

Интенсивное гамма-излучение в толще урановых руд опасно даже для машин. Если долго облучать металл, он меняет свои свойства, приобретает, как правило, необыкновенную твердость, но становится и более хрупким. Это приходилось учитывать при конструировании автоматов. А люди... Недавно в его лаборатории неожиданно отказала система предупредительной сигнализации. Сменный инженер и молоденькая лаборантка, не зная, что генератор включен, случайно оказались в зоне облучения. Более часа они провели там, ничего, совершенно ничего не чувствуя. Спасти их не удалось. Космический гость тоже не почувствует, что его убивают.

Сейчас в ангаре сооружают амфитеатр для завтрашних гостей, устанавливается радиоаппаратура. В этой суете генератор не вызовет подозрений. А потом сказать Кленову: или принципы управляющих машин, или...

Что останется ему делать?

Только согласиться...

Охрану аэродрома пока обеспечат парашютисты. К дому можно вызвать вооруженную охрану рудника.

Все складывалось слишком удачно, чтобы этим можно было пренебречь! Так в жизни дважды не повторяется!

Он протянул руку к телефону и только теперь заметил,

что в комнате совсем темно. Черного телефона даже не было видно на столе. На ощупь он нашел трубку и сдернул ее с рычага...

В ДЖУНГЛЯХ

Из кабинета Роберта Виктор прошел в комнату, в которой до этого отдыхал, сел в кресло и постарался спокойно обдумать положение. Но спокойно сидеть было просто невозможно. Он встал и принялся ходить из угла в угол.

Как наивно он рассуждал там, в корабле, когда решился послать сигнал!.. Просто людям! Всяким... Всем...

Джунгли!.. Остатки джунглей!

Здесь надо быть сильным и хладнокровным... Иначе — смерть! Иначе Луч Мысли окажется у них в зубах!

И Роберт ведь еще не из крупных. Он додумался предлагать миллионы. Откуда у Роберта миллионы? Кто стоит за ним?

Виктору вдруг показалось, что воротник сжал горло.

Много раз в детстве он рисовал в своем воображении волнующие картины. Вот он партизан, и фашисты ведут его на расстрел. Он поет «Интернационал», громко кричит собравшимся на площади людям. Что сейчас крикнешь? Кому? И кроме того... Да, кроме того, просто не верилось, что все это серьезно... Убить, умертвить его? Тайком, исподтишка?.. И зачем?! Ведь это же люди, не волки... Он долго и упорно трудился... Там, наверху, он, задыхаясь, не включил тумблер, потому что думал о них, о людях... Он принес им новые знания. И вот...

...Ему стали приходить поздравительные телеграммы. Их приносила та молоденькая негритянка, которая прислуживала за обедом. Она носила их десятками, толстыми пачками и, счастливо улыбаясь, пятилась к двери, чтобы потом юркнуть в нее. Телеграммы завалили стол. Их присылали организации, митинги, отдельные люди. Виктор смотрел на гору бланков, и его все больше охватывал ужас. Он представил себе, что Луч Мысли окажется во власти милитаристов... Какой катастрофой обернется все это для людей!

Пришла еще телеграмма. В ней было лишь четыре слова: «Люблю, поздравляю, жду. Лена».

Лицо покрылось липким потом. Он вытер платком лоб, щеки и снова принялся торопливо ходить по комнате... К камину... К окну... К камину... К окну... Потом отдернул портьеру и взглянул на озеро, покрытое мелкими торопливыми волнами, на огромную черную тучу, всю в багровых отблесках солнца, подумал, что ночью, возможно, ему удалось бы бежать, скрыться в скалах, потом — добраться до Блэк-Одана, Каира, Европы, поднять дипломатический скандал.

Нет, нельзя!

Ведь они могут обмануть не по-земному бесхитростного мудреца, могут убить...

А он поручился сапиенсам за людей...

Солнце, очевидно, село, и краски за окном быстро, на глазах, темнели, наливаясь синевой.

Виктор еще долго стоял у окна, думая уже о другом...

Он вспомнил о телеграмме, выхватил ее из кармана, прочел несколько раз...

Внезапно им овладела ярость, желание бить, кричать, крушить, топтать...

Потом это прошло.

Виктор сидел в кресле и думал.

Безусловно, все, что затеял Роберт Эдвин, — неумная авантюра. Надо только держаться, не дать себя запугать. Завтра прилетит посол. Предположим, им не дадут встретиться. Сразу же Александр Семенович забьет тревогу. И Роберту — конец... Море возмущения затопит и Роберта и всех, кто посмеет объединиться с ним. Людям надо только узнать! Сколько ему шлют телеграмм! Эти поздравления разве пустяк? Будет гнев! Гнев, сметающий все на пути!..

Он только теперь заметил, что сидит в темноте, и подумал, что юная негритянка давно не приносила ему телеграмм. Может быть, Роберт запретил их принимать?

Что он надумает еще?

Что они сделают с сапиенсом до утра?

ПУЛЬСАЦИЯ ЖИЗНИ

В дверь кто-то тихонько постучал или поскреб. Виктор быстро включил свет и сказал:

— Да, войдите.

В комнату вошла Сюзанна, прижимая обеими руками к груди ворох телеграмм. Виктор заметил, что она очень бледна.

— Два почтальона на мотоциклах непрерывно снуют между рудником и нашим домом, — сказала она веселым голосом, а глаза смотрели тревожно и умоляюще. — Я тоже решила включиться в транспортировку этих бумаг. Не возражаете, мистер Кленов?

— С этим неплохо справлялась ваша служанка, мисс Эдвин, — сухо ответил Виктор.

Сюзанна низко наклонилась над столом, высыпая телеграммы. Когда девушка подняла голову, Виктор заметил, что глаза ее быстро наполняются слезами.

— Я послала Нтомби в поселок, — тихо, почти шепотом сказала она, не глядя на него. — Она должна предупредить тех, в скалах, о том, что здесь происходит.

Ему показалось, что-то теплое, хорошее, близкое коснулось его, и от этого стало страшно говорить...

— Я знал... Я был уверен, что вы... — вымолвил, наконец, Виктор.

— А Роб? — тихо спросила она. — Я не хочу, чтобы ему было плохо.

— Боюсь, что люди не простят ему этого, — неохотно сказал Виктор.

— Чего?

— Честные не простят подлости, подлецы — неудачи...

Где-то вдалеке, чуть слышные, возникли ритмичные глухие звуки. Виктор догадался: гремели тамтамы — древний телеграф африканцев.

— Нтомби... — испуганно прошептала Сюзанна, — Нтомби уже добежала... Погасите свет! — неожиданно приказала она.

Распахнув окно, она несколько секунд напряженно прислушивалась, потом резко обернулась, схватила обеими руками полотнище портьеры и прижала к лицу.

— Я очень благодарен вам за все... — волнуясь, сказал Виктор. — За все, Сюзанна!

— Отряды О'Мбата займут, очевидно, ангар и наш дом, — снова заговорила она. — Парашютистов слишком мало, чтобы они могли оказать серьезное сопротивление. Вам, пожалуй, лучше покинуть Симбаленд. Если хотите, я сама отвезу вас на аэродром.

— Да, конечно.

— У меня к вам есть одна просьба. Обещайте, что исполните ее.

— Обещаю, Сюзанна.

— Когда вам будет очень, очень хорошо, — негромко сказала она, — когда все это останется в прошлом — вспомните обо мне... Вообще думайте обо мне иногда.

— Сюзанна!.. — укоризненно воскликнул Виктор.

— Ну, вот и хорошо! Я теперь покину вас. Спокойной ночи. Вернее — удачной ночи!

— Когда к дому подойдут люди О'Мбата, вам лучше быть в этой комнате, со мной, — предложил он.

— Нет, мне лучше побыть одной, — нехотя ответила Сюзанна. — Говорят, во время таких переходов негры передвигаются бегом. Десятки километров и все бегом. Бегут целыми отрядами, с оружием и боеприпасами. А от скал до нашего дома не так уж далеко. Значит, мы скоро увидимся.

Она пошла к двери, потом в нерешительности остановилась, медленно повернулась и еще раз посмотрела на него.

Виктор только теперь понял, что это все значило для нее. Спасая его, она теряла Роберта! Теряла брата, теряла все, всех... Сама отнимала у себя все и отдавала кому-то, кого не знала и не понимала до сих пор...

Виктор хотел подойти к ней, хотя слов у него не было, и что делать, он не знал, но Сюзанна уже выскользнула в дверь.

Виктор подошел к окну.

Барабанов больше не было слышно.

Где-то там, в этой непроглядной тьме, уже спешили, бежали, лавируя между валунами и кустами, черные бесстрашные люди в военной форме, с оружием. Может быть, они уже спускались по склону, окружали дом...

Генеральный Закон Разума, Закон Всеобщего Содружества вступал в свои права и здесь.

Так он стоял долго, очень долго, может быть, час, может быть, больше и ждал. Он не волновался, не сомневался, просто ждал.

Где-то очень далеко, но отчетливо, как будто старательно выговаривая звуки, простучала пулеметная очередь. За ней, едва слышная, донеслась далекая перестрелка. Что-то тихонько охнуло вдали, еще раз, еще... Очевидно, рвались гранаты. И сразу же десятки гремящих выстрелов полоснули тишину вокруг дома. Раздались громкие гортанные голоса, крики, отрывистые команды.

Виктор отскочил от окна, бросился к двери, пробежал одну комнату, другую...

Роберт стоял у стола с телефонной трубкой в руке, гневно и растерянно разглядывая Сюзанну. Она вжалась в уголок большого кресла и что-то торопливо и умоляюще говорила ему.

Роберт увидел Виктора.

Секунду или две они молчали.

Автоматные очереди и крики раздавались уже у самого дома, у окна.

— В ангаре под вашим аппаратом установлен мощный генератор гамма-излучения, — быстро сказал Роберт, прикрыв ладонью микрофон трубки. — Если террористы сейчас же не уйдут... Если мы не договоримся с вами, мистер Кленов... не договоримся обо всем... и о том, что я говорил днем, генератор будет немедленно включен! Считаю до трех!

— Вы не сделаете этого... — шепотом сказал Виктор.

— Сделаю! — гневно крикнул Роберт. — На другом конце провода — начальник лаборатории... Он держит руку на рубильнике. Ну?! — Роберт приложил трубку к уху, все еще прикрывая ладонью микрофон, и с угрозой произнес: — Раз!..

— Роб! — в ужасе закричала Сюзанна.

Все это показалось Виктору удивительно знакомым... Ну, конечно же! Ведь это в его детских мечтах о разведке, о подвигах фашист при допросе, так же расставив ноги, с угрозой смотрел на него.

— Два!.. — сказал Роберт.

Громыхнуло окно. Рама, осколки стекла влетели в комнату, в черном провале окна мелькнул деревянный приклад винтовки и снова исчез в темноте. Роберт вздрогнул, на секунду его внимание отвлеклось. Виктор резко шагнул к нему... Роберт взглянул на него и испуганно крикнул в трубку:

— Включай!..

Уже не в силах удержаться, не думая ни о чем, Виктор с поворота, хуком, ударил кулаком в перекошенное испугом и злобой лицо... Острой болью резануло суставы пальцев... Роберт, задрав подбородок, перекатился через угол стола, все еще не выпуская из руки трубку, упал

навзничь, глухо ударился затылком о пол. Шнур потянул телефонный аппарат и сдернул его со стола.

Виктор подбежал к Роберту, постоял над ним, не понимая, что делать дальше, оглянулся. С подоконника в кабинет спрыгнул африканец с винтовкой в руке. За ним чернело лицо другого. Оба смотрели на Виктора.

Коренастый африканец, небольшого роста, почти квадратный, подбежал к Виктору и спросил, не слишком уверенно выговаривая звуки:

— Руски? Викта Кленаф?

— Да, — ответил Виктор.

— О'Мбата. Аэродром. Быстро. Там, — сказал по-английски африканец.

Только тогда Виктор вспомнил, что Роберт в последний момент успел отдать приказ.

ГЕНЕРАТОР ВКЛЮЧЕН!..

Телефонный аппарат валялся на ковре возле стола. Рядом с ним лежала трубка. Виктор присел на корточки, поднял ее левой рукой, крикнул: «Хелло!» Трубка молчала. Виктор потрогал шнур, дунул в микрофон, снова приложил трубку к уху и еще раз крикнул: «Хелло!» Трубка молчала так безнадежно, как будто все это время была лишь мертвым затейливым куском пластмассы, от которого смешно ожидать живых звуков.

Сюзанна, спрятав в коленях лицо, беззвучно рыдала.

Виктор подошел к ней, взял за руку:

— Сюзанна!

Она сжалась еще сильнее.

— Он жив. Это нокаут. Это пройдет... Скоро очнется. Вы обещали отвезти меня на аэродром, — напомнил он. — Сюзанна! Вы ведь слышали... Генератор включен!

Виктор опустился на колено, приподнял ее за плечи. Она безвольно уткнулась лицом ему в грудь, продолжая всхлипывать.

— Боже мой! Какой вы зверь! Какой страшный зверь! — простонала она. — Если бы вы видели свое лицо, свои глаза! И каким стал Роб! Как он мог?.. Как он мог это сделать!

— Нам надо ехать, Сью, — настойчиво сказал Виктор.

— Да, да, — прошептала она. — Я сейчас... сейчас...

Виктор оглянулся и крикнул через плечо коренастому африканцу, который внимательно смотрел на них:

— Аэродром! Быстро! Я и девушка — на машине!

Тот радостно рванулся с места, на ходу бросив какую-то команду своим спутникам.

...Автомобиль, шурша шинами по гравию, осторожно выкатился из дверей гаража. Справа метрах в пятидесяти шла редкая перестрелка. Очевидно, охране дома удалось организовать сопротивление, а бойцы О'Мбата, заняв дом, прикрывали теперь отъезд Виктора.

Автомобиль проехал метров десять и остановился.

— Я ничего не вижу, — равнодушно сказала Сюзанна.

— Включите фары, — посоветовал Виктор.

— Это опасно. По машине начнут стрелять. А без света я не могу. Я вообще сейчас ничего не могу...

Виктор приподнялся на сиденье, хрипло сказал:

— Включайте фары, Сью! И — вперед!..

Сюзанна щелкнула тумблером, два горизонтальных столба света мгновенно выхватили из темноты желтую полосу гравия, какое-то немыслимое переплетение ветвей, листьев и колючек по сторонам, фигуры всадников. Виктору показалось, что машина присела на задние колеса и прыгнула вперед. Его вдавило в сиденье. Дорога уже стремительно неслась под колеса машины. Их подбросило на ухабе, Сюзанна вцепилась в белое колечко руля... Громко, торопливо застучали автоматные очереди. Что-то дублетом щелкнуло по кузову и сразу же толкнуло спинку сиденья. Очевидно, пули застряли в мягкой набивке сиденья. Потом еще раз щелкнуло, в смотровом стекле появилась небольшая круглая дырочка, от которой во все стороны разбежались тонкие трещинки.

Лучи фар осветили крутой поворот налево. Это было спасение... Не сбавляя скорости, Сюзанна перехватила руки на руле, дорога бешено крутнулась перед глазами, сзади опять дублетом щелкнуло по кузову, и тяжелая железная палка резко хлестнула Виктора по плечу...

За поворотом Сюзанна немного сбавила скорость.

Тупая боль в плече жгла Виктора.

Машину сильно тряхнуло, и Виктор от резкой боли испуганно схватил ртом воздух, сжал зубы...

Сюзанна затормозила...

— Не надо... Не надо... — торопливо сказал Виктор — Это в руку... Я потерплю.

Машина остановилась.

Сюзанна включила свет внутри и повернулась к нему.

— Покажите! — потребовала она. — Наклонитесь вперед!

Виктор послушно подался к смотровому стеклу. Свет фар на дороге померк, перед глазами замелькали темные густые пятна.

— Боже мой! — в ужасе воскликнула Сюзанна. — Что же вы молчите? Столько крови!.. Вы — варвар! Сумасшедший! — Голос ее сорвался. — О, как я ненавижу вас всех! — в отчаянии прошептала она и сразу же, жалуясь ему или еще кому-то, спросила: — Ну, что же это такое?! Дайте же я попробую перевязать!

Она перевязывала его и, глотая слезы, шептала:

— Сейчас... Еще немного... Потерпите... Сейчас...

Ее шепот доносился издалека, глухо, незнакомо... Потом она стала произносить лишь одно какое-то слово, но сознание Виктора уже не ловило его, хотя то, что говорила Сюзанна, казалось важным. Он напрягся, вслушался.

— Звери!.. Звери!.. Звери!.. — шептала Сюзанна, наверное уже не слыша себя.

— На аэродром... — попросил Виктор. — Быстрее! Быстрей!

— Я поеду медленно, — упрямо заявила Сюзанна. — Дорога отвратительная. Вас растрясет...

— Я умоляю вас, Сью! — испуганно воскликнул он. — Как можно быстрее!

— О боже! Вы хоть секунду можете подумать о себе?

— Потом, Сью, потом...

Она ожесточенно нажала стартер.

...Машина беспрепятственно проскочила открытые ворота аэродрома.

Невдалеке возвышался темный ангар. К нему вела широкая бетонная дорожка. Площадка перед ангаром была освещена. Поле аэродрома, и освещенная площадка, и бетонная дорожка — все было пустынно.

Вдруг лучи фар выхватили из темноты высокую фигуру африканца. Виктор даже вздрогнул, настолько неожиданно она появилась. Сразу же рядом с ней оказались еще две фигуры в военных костюмах. В высоком Виктор узнал О'Мбата.

Машина взвизгнула тормозами и остановилась.

О'Мбата заглянул в автомобиль. Лицо его стало озабоченным. Он торопливо открыл дверцу.

— Вы ранены, мистер Кленов? — спросил он. — Как же это...

— Ничего... Ваши бойцы сделали все, что могли, — перебил его Виктор и сразу же спросил: — Генератор под аппаратом не отключен?

— Н-не знаю, — растерянно ответил О'Мбата. — Мы заняли аэродром. Весь персонал и парашютисты, все, кто остался в живых, сейчас находятся под охраной в караульном помещении. Приборы мы не трогали и в ангар не входили, ждали вас... Если это нужно, мы можем узнать...

— В ангар! — сказал Виктор Сюзанне. — Быстрее!

Что-либо узнавать сейчас, выяснять, отключать было уже не нужно. Теперь проще всего было взлететь и вернуться на корабль сапиенсов, потому что оказать помощь Лучу Мысли на Земле никто не мог. А потом, если все обойдется благополучно, можно будет еще раз спуститься на Землю.

Но, конечно, не сюда...

— Вас сопровождать в ангар? — спросил О'Мбата.

— Нет, мы сами теперь... Передайте, пожалуйста, мою благодарность вашим бойцам. Спасибо за все, — Виктор крепко пожал африканцу руку.

Потом он вспомнил разговор с Сюзанной в кабинете у Роберта и добавил:

— Желаю вам, камрад О'Мбата, увидеть десятки, сотни, тысячи тракторов в саваннах Симбаленда!

— О! Спасибо! — растерянно, немного даже смущенно воскликнул О'Мбата.

Катер стоял на асфальтовом полу, ярко освещенный лучами прожекторов.

Виктор взглянул на часы. С тех пор как он вбежал в кабинет Роберта, прошло более часа. Более часа невидимый генератор облучал сапиенса!

Сейчас же с легким треском нос катера раскололся, обшивка тяжелыми крыльями повисла по сторонам. Большой черный шар, казалось, опирался на лучи прожекторов.

— Почему, вы, такие, необыкновенные, — загремел голос.

Теперь он не испугал Сюзанну. Она, кажется, даже облегченно вздохнула.

— Нас обманули, — решительно сказал Виктор, чувствуя, что с этой болью в плече невозможно стоять на ногах. — Нам необходимо улетать...

— Что, такое, обманули.

— Они говорили не то, что думали...

— Это, невозможно.

— Люди умеют так делать. Нам необходимо улетать!

— Ты, полетишь, со, мной.

— Да.

— Ты, хотел, вернуться, к, людям.

— Мне опасно оставаться здесь.

— Я, ничего, не, узнал о Земле.

— Нам нужно улетать! — в отчаянии закричал Виктор. — Люди сейчас убивают тебя и меня! Под полом они включили генератор смертоносных излучений...

— Зачем, — загремело опять.

— Я все объясню тебе там... на корабле! Нам надо спешить! Генератор включен!

Несколько секунд ангар стоял погруженный в томительную тишину. Наконец Луч Мысли сказал:

— Я, готов.

Виктор взглянул на Сюзанну. Она тревожно вслушивалась в раскаты непонятных ей русских слов.

— Мы улетаем сейчас, — сказал Виктор.

— Да... — чуть слышно сказала она, опустив голову.

Он взял ее руку в свою.

— Вам надо уйти, Сью, — напомнил он.

— Хорошо...

— За это нельзя, конечно, благодарить, — торопясь, сказал он, подумав на миг и о том, что сейчас она уйдет, что ее больше не будет. — Все равно спасибо! Уже за то, что вы встретились мне...

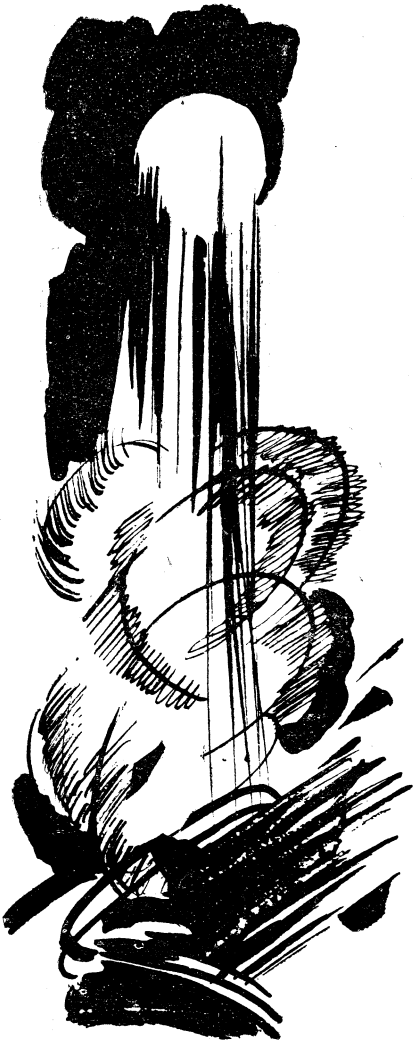
Сюзанна осторожно отняла руку, повернулась и пошла, приложив к щекам ладони.

Она вышла из света прожекторов, и тяжелый мрак ангара охватил ее фигурку.

— Сью! — еще раз окликнул Виктор.

— Да?..

— Скажите всем на аэродроме, чтобы быстрее уходили. Постарайтесь отъехать подальше! Мы будем ждать две-три минуты! Не больше!



— Улетайте немедленно! — крикнула она, и голос ее сорвался. — Нельзя же так! Нельзя! Без конца убивать себя — это тоже преступление!

— Уходите, Сью... — попросил он.

Последнее, что он хотел тогда — чтобы ей всегда, всю жизнь было хорошо...

Сюзанна вышла из ангара, увидела свою машину, рядом с ней О'Мбата и еще несколько человек. За ними, полукольцом окружая площадку перед ангаром, виднелась редкая цепь неподвижных фигур с винтовками.

О'Мбата подошел к ней.

— Уходите... — тихо сказала Сюзанна. — Они сейчас взлетят...

Африканец растерянно взглянул на нее.

— Уходите! — отчаянно закричала Сюзанна.— Уходите все! Они взлетают! Бегите!.. Быстрей!..

Она побежала вперед от ангара, услышала громкие выкрики команд, увидела, как дрогнула цепь людей, как темные фигуры стали рассыпаться по полю... И вдруг, оступившись в темноте, Сюзанна упала. Она попыталась идти, но не могла и опустилась на землю. Кто-то подбежал к ней. Сюзанна увидела, что это О'Мбата. Он схватил ее на руки, поднял и понес, не переставая что-то сердито говорить. Из темноты выбежал Роберт. Его безумные невидящие глаза были устремлены на ангар, лицо застыло в мучительной гримасе, на щеке темнела широкая полоса застывшей крови. Сюзанна в ужасе закричала.

Роберт увидел ее.

— Останови их! — услышала Сюзанна его звенящий от напряжения голос. — Ты можешь это сделать! Останови!

Он подбежал совсем близко, и Сюзанна, все еще не веря, что это Роберт, испуганно прижалась к африканцу.

— Я только хотел испугать его, Сью! Через минуту я приказал бы выключить генератор.

— Оттолкните его... — жалобно попросила Сюзанна. — Я не могу...

— А-а-а! — дико закричал Роберт и побежал к ангару. Он подбежал к воротам, секунду помедлил, и сразу же стены ангара отпрянули друг от друга, рассыпаясь на куски. Шатер крыши, взвизгнув осколками разбитых стекол, стремительно взлетел вверх высоко-высоко. Удар горячего воздуха сшиб африканца с ног, но Сюзанна лишь на секунду закрыла глаза. Рубиновым мертвым сиянием осветило землю, и бетонную дорожку, и летящие во мрак глыбы. Сюзанна увидела тяжелый аппарат, который сначала неторопливо, потом все ускоряя полет, скрывался в небе.

Там, где стоял ангар, пылал огромный костер, высоко и весело выбрасывая в темноту мягкие языки пламени.

„КЛЕНОВ"... „КЛЕНОВ"... „КЛЕНОВ"

Лена зябко поежилась и привычным движением поправила на плечах мамину мягкую шаль. Лето было в разгаре, дни стояли жаркие, но ей все равно было холодно.

Когда ей вчера принесли телеграмму от Виктора, она немного, конечно, поплакала, но, к ее удивлению, тревога в ней не утихала, наоборот, становилась все сильнее, хотя это казалось уже невозможным. Всю ночь она просидела у приемника, держа настройку только на западных станциях. Предчувствия не обманули ее. Сообщения к утру становились все туманнее, все сдержаннее.

Под утро ей позвонил Дорошенко и разрешил не выходить на работу. Она обрадовалась и просидела у приемника весь день в этой старушечьей позе, согнувшись и

устроив ноги на маленькой скамеечке, с книгой на коленях, в которой за все это время ей не удалось понять ни строчки.

Наконец музыка сменилась короткой паузой. И Лена услышала уже знакомый голос.

— Внимание! Передаем сообщение об исчезновении русского космонавта и космического гостя из Симбаленда.

Лена не поняла, испугалась она или обрадовалась. Ей только стало совсем холодно, она плотнее натянула шаль и прибавила громкость.

Равнодушный, хорошо поставленный голос долго говорил о мерах, которые были приняты властями Симбаленда для безопасности русского космонавта, поскольку космический аппарат приземлился в районе озера Магода, где сконцентрированы основные силы повстанцев.

Лена слушала, боясь проронить хотя бы один звук, — что скажет голос о Викторе? Но он говорил о красоте, обаянии и привлекательности юной Сюзанны Эдвин.

«Что это? — с тоской спросила себя Лена. — Зачем они это говорят?»

— Повстанцы попытались проникнуть в дом Роберта Эдвина. Во время перестрелки космический аппарат взлетел, разрушив ангар, к этому времени уже оборудованный администрацией картеля «Вест-Уран» для открытых бесед космического гостя с людьми. Под пепелищем разрушенного и сожженного ангара обнаружено тело Роберта Эдвина. Выяснить судьбу Сюзанны пока не удалось. Официальные лица отказываются комментировать события. Советский посол, прибывший сегодня из Блэк-Одана в Симбаленд для встречи с Виктором Кленовым, получил разрешение генерал-губернатора посетить район озера Магода и встретиться с командованием повстанцев.

Лена побежала к телефону. Отец, как всегда, был недосягаем, и сейчас говорить с ней не мог. Лена нашла другую станцию и замерла:

— Слушайте сообщение нашего специального корреспондента в Симбаленде, только что полученное редакцией.

Советский посол в Блэк-Одане, посетив сегодня днем штаб повстанцев в районе озера Магода, сообщил генерал-губернатору Симбаленда, что мисс Эдвин находится в расположении войск повстанцев. Посол доставил генерал-губернатору письмо Сюзанны Эдвин с объяснением событий, которые произошли в доме мистера Эдвина. Генерал-губернатор отказался опубликовать содержание письма. Кленов вместе с гостем из космоса находился на борту катера, когда тот покинул Землю.

Лена решительно сбросила шаль и выбежала из квартиры. На лестничной площадке немного постояла. Куда она бежит?.. К кому?.. Ни к кому! Просто на улицу!

Привычная Петровка ошеломила ее. Люди здесь всегда спешили, разбегаясь по тротуарам, как муравьи в жаркий полдень, по дороге, мягко шурша, проносились легковые машины, ярко раскрашенные грузовики с хлебом, колбасами, мороженым. Сейчас улица была до неузнаваемости

неподвижна. Только витрины магазинов привычно сверкали. Посреди улицы, уткнувшись друг в друга, стояли машины. Пешеходов на тротуарах не было. Они большими группами толпились у легковых автомашин. Лена подошла к одной из групп.

— Что случилось? — шепотом спросила Лена вихрастого юношу.

— Сейчас будут передавать сообщение ТАСС о Кленове, — тоже шепотом, не оборачиваясь, ответил тот.

Лена все поняла. Петровка, столица, страна, весь мир, все люди сейчас остановились, чтобы услышать правду о Викторе... Она уткнулась лицом в плечо этого юноши и, обняв его за плечи, прижалась к его спине щекой.

— Что с вами, девушка? — испуганно обернулся паренек.

В этот момент звучный баритон из машины сказал:

— Передаем сообщение Телеграфного Агентства Советского Союза.

Юноша вытянул загорелую шею вперед, только взял ее руки в свои и молча пожал. Она не отняла рук.

— Как уже сообщалось в газетах, — говорил баритон, — Герой Советского Союза товарищ Кленов, возвращаясь с представителем космического корабля на Землю, вчера совершил посадку в Африке на территории протектората Симбаленд. Авантюристами из международного картеля «Вест-Уран» в связи с этим событием была организована крупная провокация, преследующая далеко идущие цели. В первый же день пребывания в Симбаленде товарищ Кленов оказался фактически под арестом в доме представителя администрации картеля «Вест-Уран». Сопротивляясь насилию, товарищ Кленов и космический гость вынуждены были покинуть территорию Симбаленда. По наблюдениям астрономов, аппарат, на котором Виктор Кленов и космический гость опустились на Землю, возвратился на корабль. Таким образом, затея авантюристов из картеля «Вест-Уран» постыдно провалилась. Правительство Советского Союза обратилось ко всем странам мира с предложением договориться о приеме на Земле космических гостей.

Юноша снова обернулся к Лене и восхищенно сказал:

— Ну и дела! А Кленов-то, Кленов!.. Силен!

МЫ, ХОТИМ, ПОМОЧЬ, ЛЮДЯМ

Возвращение на корабль показалось Виктору пыткой. Лихорадочный озноб внезапно, без перехода, сменялся изматывающим жаром. Жгучая боль в плече становилась нестерпимой. Непреодолимая вялость мешала двигаться. Тех десяти минут, которые он тогда провел в ангаре, в зоне облучения, оказалось достаточно, чтобы вызвать лучевую болезнь.

Сапиенсы заботливо ухаживали за ним, но лечили осторожно: человеческий организм они знали еще очень мало.

Они потребовали, чтобы Виктор описал им картину ухода за больным на Земле. Через некоторое время рядом с постаментом, на котором неподвижно стоял космолет, появилась кровать, покрытая одеялом, с простынями и подушками, тумбочка, даже графин с водой и стакан. У тумбочки открывались дверцы на петельках, а из графина лилась вода.

Все было очень похоже, и все же не то...

Вода в графине была сначала безвкусной, химически чистой, потом — горькой, как в лимане, и всегда — противно теплой.

Во сне его мучили кошмары, Лена сосредоточенно старалась поставить у рентгеновского аппарата бесчувственного Роберта, он все падал, а Сюзанна, не обращая на них внимания, гневно выговаривала: «Звери! Звери! Звери! Звери!»

А когда он просыпался, перед глазами маячили в бирюзовой мгле тени сапиенсов. Они все допытывались: что же происходит на Земле?

Навещал Виктора и Луч Мысли. Сапиенсы, как и рассчитывал Виктор, сумели оказать ему немедленную и действенную помощь. Да и разрушительная работа гамма-лучей встречала в клетках живой ткани жителя далекой планеты какое-то неведомое сопротивление и шла в десятки раз медленнее, чем в теле человека. Защитный отражатель тоже значительно снизил действие облучения. И все-таки полученная им доза была очень велика.

Движения его стали вялыми, изображения, которые он пробовал передавать Виктору, — тусклыми, прерывистыми. Потом он совсем перестал передавать, только неподвижно висел у пола аквариума, выставив безжизненные белые рожки. Спасти его от этого медленного умирания могло только возвращение на их планету. Там найдут единственно верный курс лечения. Сапиенсы были совершенно уверены в этом. Во время обратного пути Луч Мысли будет в состоянии анабиоза. Но что будет с ним, Виктором? Мысли путались, едва он задумывался об этом.

Много раз Виктор пытался объяснить сапиенсам, что же произошло с ними на Земле, в центре большого материка, населенного людьми. Пришлось рассказать очень,

очень многое. И когда они стали понимать его, машина-переводчик потребовала:

— Покажи, где, все, еще, властвуют, люди, хищники, противники, Необходимости.

В углу зала возник медленно вращающийся шар с контурами земных континентов.

Виктор нехотя надел тюбетейку и подумал об одной из этих стран... И сейчас же темная, почти черная краска залила кусок материка. Шар плавно поворачивался, открывая причудливо изрезанные берега, темные пятна залили изломы суши, узкой струйкой краска полилась дальше и замерла...

Пятна и полосы на поверхности Земли казались отсюда крохотными, почти незаметными на светлом фоне континентов.

— Где, еще, — спросила машина.

— Все, — ответил Виктор.

— Это, очень, мало.

— С нас хватает... — буркнул он.

— Мы, хотим, помочь, людям.

— Я слушаю вас, — сказал Виктор.

— Наш, корабль, много, раз, облетит, Землю. Над, странами, которые, ты, нам, показал, будет, подана, энергия, отталкивания.

Он удивился: зачем это?

— Электромагнитное, поле, нагреет, поверхность, до, тысячи, градусов. Землю, охватит, пожар.

Виктор приподнялся, впился глазами в аквариум.

Что это? Что они надумали?!

— Разумные, люди, начнут, новую, разумную, историю.

Их было много, расплывчатых, неясных, неподвижных. Весь аквариум был полон ими. Никогда раньше их не появлялось столько одновременно.

— Нам, необходимо, твое, утверждение.

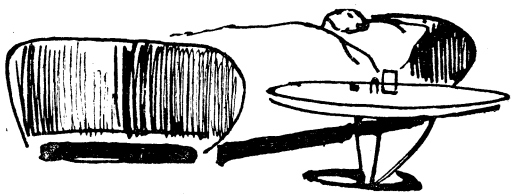
— Нет! — испуганно закричал Виктор и шепотом повторил: — Нет!..

Это галлюцинация?.. Все еще кошмары?.. Он с надеждой ждал, что сейчас все это исчезнет, кончится.

Но перед глазами стоял только бирюзовый тусклый свет да цветастые тени.

— Объясни, почему, нет.

Виктор почти не сомневался уже, что это очередной кошмар, но на всякий случай сказал:



— Там ведь люди! Они сгорят...

— Ты, говорил, что, они, могут, уничтожить, много, других, разумных.

— Нельзя! Нельзя сжигать людей! — крикнул он.

Сапиенсы молчали.

Виктора начала бить нервная дрожь. Неужели это не сон? Ему мучительно захотелось проснуться. Пусть даже здесь, на корабле, пусть все будет так, только бы не было этих слов!..

— В, тебе, говорят, чувства, не, разум, — сказала машина.

И Виктор исступленно закричал:

— Нельзя!.. Поймите это! Нельзя сжигать живых!

Долго, очень долго тишина стояла, как мучительное испытание.

— Тебе, объяснит, Луч, Мысли, — сказала, наконец, машина.

Виктор теперь только заметил его. Луч Мысли неподвижно висел у самой перегородки, внизу. Сапиенсы надели на него продолговатый прибор с проводами. Машина снова заговорила. Слова она произносила четко, но с большими паузами. Лучу Мысли было плохо. Виктор едва понимал его, но кое-что схватил лихорадочно возбужденным умом.

Луч Мысли сказал, что предложенное решение было выводом логики. Его сообщила логическая машина корабля. Сапиенсы, как всегда, назначали для контроля Совет Оппонентов. Одним из них был Луч Мысли. Вторым был тоже один из мудрейших сапиенсов. Третьим оппонентом назначен человек с Земли. Возражение даже одного из Оппонентов лишало решение логической машины действия. Теперь все зависело от того, что скажет человек с Земли. Через два часа он должен решить окончательно. Корабль пока начнет приближаться к Земле...

— Думай, — сказала машина и умолкла.

Тени начали редеть, растворяясь в зеленовато-голубом мраке.

— Вы меня не поняли! — крикнул им вслед Виктор.

Аквариум опустел.

Два часа!

Сапиенсы велели ему думать два часа...

О чем?..

Виктор снова прилег. Больно заныло плечо.

Все, что говорил ему Луч Мысли, он прекрасно понимал. Да и кто же из людей этого не знал? Разве не бросил им еще десятки лет назад потрясенный Александр Блок: «В последний раз опомнись, старый мир!»?

Его охватил дурманящий жар. Сапиенсы не знают всего, что знают люди. Он должен доказать им, должен...

Но как?

Они предлагали стереть темные пятна, которые остались еще на Земле. Но там ведь не пятна, там люди! Сотни миллионов людей!

И тут же на секунду мелькнула мысль.

«А Роберт и его хозяева?!»

Такие могут вовсе обезуметь! «Включай!»... Разве же плохо обезопасить раз и навсегда человечество от них?

Но там ведь еще и Сюзанна! «Думайте обо мне иногда», — сказала она ему. Там миллионы людей — из числа тех, что присылали ему телеграммы... Там народ, главный обитатель этих территорий... И не такими способами разрешают коммунисты классовые конфликты!

Он провел рукой по лбу...

— Два, часа, прошло, — отчетливо сказала машина.

Виктор приподнялся, сел на кровати, посмотрел на прозрачную перегородку, поискал глазами за ней, в глубине...

— Где Луч Мысли? — спросил он.

Ему вдруг показалось, что Луч Мысли за эти два часа мог умереть. Шершавый комок стал в горле.

— Лучу, Мысли, плохо, — пришел запоздалый ответ.

— Почему, у, тебя, из, глаз, течет, вода. Почему, машина, не, переводит, звуки.

Он вздохнул, усмехнулся. Неожиданно к нему пришло решение.

Он расскажет им историю людей. Историю людей, а не убийц.

Он торопливо надел на голову приемник аппарата.

Мысли были сейчас ясными, как никогда. Он увидел картины, такие же яркие, рельефные, как и те, что когда-то передавал ему Луч Мысли.

Из обрывков воспоминаний, из старых картин и книг, дополненных воображением и мечтой, как живой, встал перед ним Спартак. Обливаясь кровью, он упал на одно колено, ужасный и прекрасный в своем человеческом гневе и любви ко всему человеческому...

В огромном зловещем костре на Кампо де Фьоре — площади Цветов — горел Джордано Бруно, окруженный черными монахами, его взгляд был устремлен вверх, к голубому небу, тайны которого он открывал людям...

...Виктор говорил быстро, громко, опасаясь, что не успеет, что сапиенсы не поймут его. Завтра же они могут улететь, и разумные существа во вселенной долго еще будут считать, что Землю населяют полудикие непонятные создания, так называемые люди...

Это и есть история людей — нескончаемое движение вперед. И это все лучшее, самое светлое, непреодолимое пробило, наконец, себе широкую дорогу в октябрьском Петрограде, в гигантском многолетнем сражении с фашизмом... И теперь оно уверенно господствует на Земле, определяя будущее людей уже сейчас. Уже сейчас — сегодня, завтра и всегда!

Разумные должны это понять!

История людей — не только история дикости. Это история движения от дикости к разуму...

Люди нашли уже красоту и разум везде, нашли их и в отношениях между людьми.

Разум на Земле скоро, совсем уже скоро победит во всем!

Виктор остановился, передохнул, хотел что-то говорить еще и почувствовал, что больше не может. Сапиенсы внимательно слушали. Собрав последние силы, он все же сказал, раздельно произнося слова, невольно подражая интонации машины:

— Поэтому, я, не могу, утвердить, решение, вашей, машины. Это, было, бы, дикостью, недостойной, людей...

ЗАКОН ЛЮДЕЙ

Сапиенсы больше не могли оставаться. Корабль улетал. А Виктор не мог возвратиться на Землю. Он просто не вынес бы этого полета. Слабый огонек жизни, который сапиенсы с трудом зажгли в нем, надо было беречь.

Виктор улетал с сапиенсами. Теперь Виктор все дни торопливо писал. Он писал в том же бортовом журнале, в котором и раньше вел записи своих бесед с сапиенсами. Журнал они положат в космолет, наглухо закроют люк... Сапиенсы сбросят космолет так, чтобы он упал в море, и просигналят об этом людям. Журнал вернется на Землю... Что ему сделается? Он все выдержит, он не живой...

Виктор рассказал уже все, что случилось с ним там, в центре большого материка, в человечьих джунглях. Теперь оставалось написать о том, что будет...

Он полетит в другой мир, к далекому солнцу, встретит незнакомую жизнь. Сапиенсы обещали ему, что, доставив на свою планету Луча Мысли, они возобновят космическую экспедицию и по пути вернут его на Землю. Полет в оба конца продлится десять лет.

Но это для них, в корабле...

Когда-то студентом Виктор увлекался теорией относительности. Еще бы! Она доказывала, что время, неумолимое и непокорное время, тоже относительно и изменчиво. Время замедляет свой ход, когда тело движется с огромной скоростью, близкой к скорости света.

Он удивился тогда... И только... Если бы он знал, как это страшно!

Корабль будет мчаться, догоняя свет, настигая свое изображение. Он будет нырять в полях тяготения огромных звезд. Для них, в корабле, время отсчитает всего десять лет. Для людей на Земле — около ста...

Он никогда, никогда больше не увидит тех, кого покинул недавно!

Виктор отчаянно не хотел сейчас в будущее. Он любил сегодняшние подмосковные чистые березовые рощи и угрюмую сибирскую тайгу, сегодняшних людей, их думы, надежды, дела и борьбу... Он любил Лену...

Виктор приподнялся и стал быстро писать. Перед последней фразой он помедлил, потом решительно написал: «Ждите нас! Мы прилетим еще! И через сто лет, все равно — до свидания, все!»

Он захлопнул тетрадь и долго лежал, не двигаясь, закрыв глаза. Теперь надо было сказать сапиенсам, что все

готово, что космолет можно сбросить на Землю. После этого корабль улетит. Как трудно произнести эти несколько слов!

Но сапиенсам надо торопиться.

— Я кончил писать, — негромко сказал Виктор.

Он так и не открыл глаза, когда его камера наполнилась осторожным жужжанием, скрежетом, дуновениями теплого ветерка. Сапиенсы упаковывали его тетрадь и уводили космолет. Наконец все смолкло. Виктор взглянул туда, где над полом возвышался круглый постамент. Он был пуст.

Прошло еще полчаса, и машина сказала:

— Твой, аппарат, сброшен, на, Землю.

Виктор не шевельнулся, глядя в ровный серый потолок над собой и не видя ничего. Прежняя жизнь кончилась. Безжалостно начиналось что-то новое, нечеловеческое.

— С, Земли, стартовали, две, ракеты.

Виктор не сразу понял, что произошло. С Земли стартовали ракеты! Они мчались, конечно, сюда, к кораблю! Он увидит людей, услышит их голоса!.. Он увидит людей!!!

— Где ракеты? — задыхаясь, спросил он.

И еще десять, двадцать, сто раз он спрашивал об этом. Время исчезло. Было только движение ракет, о котором ему докладывали сапиенсы.

Ракеты вынесли в космос два аппарата, такие же, как и тот, который только что был сброшен. Аппараты шли по орбите вокруг Земли на одной высоте с кораблем, быстро сближаясь с ним.

— Откройте им диафрагму! — крикнул Виктор. — Они летят сюда...

Воздуха не хватало. В висках стучали тяжелые молотки.

Чья-то фигура, освещенная сзади, прильнула к иллюминатору, но лучи света падали на стены, и человек не видел Виктора.

Космолет проплыл к постаменту, дрогнул и замер. Человек отпрянул от иллюминатора, снова приблизился к нему, но не видел, все еще не видел Виктора.

Наконец пилот исчез, и Виктор услышал легкий скрежет отвинчиваемой резьбы. Крышка люка откинулась. Осторожно высунулась голова пилота...

Виктор узнал его. Это был капитан Никитин. Все тот же Никитин — самый опасный конкурент, самый придирчивый тренер и заботливый опекун.

Никитин все еще не видел Виктора. Он смотрел прямо перед собой на бирюзовую стенку аквариума, полного сапиенсами. Лицо его выражало сейчас крайнюю степень озадаченности. Виктор хотел окликнуть его, но из горла вырвался только тихий стон. Никитин обернулся на звук и, наконец, увидел.

— Кленов? — крикнул он, очевидно не узнавая его.

Виктор молча кивнул, уже ничего не видя сквозь туман слез.

— Ну, здоро́во, герой, — тихо сказал Никитин, усаживаясь на кровать.

— Здорово, капитан, — чуть слышно ответил Виктор.

Никитин сграбастал Виктора сильными руками и прижал к груди.

— Ну, будет, будет! — срывающимся голосом сказал он. — Посылают на такое дело всяких гражданских, а они хлюпают потом...

— А сам чего хлюпаешь? — счастливо улыбаясь, спросил его Виктор.

— Кто? Я? — возмущенно воскликнул Никитин, часто моргая мокрыми глазами. Он пристально вгляделся в лицо Виктора и тихо сказал: — Да, здорово тебя, брат... искорежило... Кто это тебя так? Там, в Симбаленде?

— Там, — кивнул Виктор.

Никитин нахмурился.

— Майора Мамедова еще не забыл? — быстро спросил он через минуту.

Виктор снова кивнул.

— Вокруг нас сейчас кружит, — шепнул Никитин, искоса взглянув на аквариум. — Страхует.

Никитин опять глянул на лицо Виктора и решительно потребовал:

— Ну, хватит с тебя, герой! В госпиталь тебе пора отправляться.

Виктор отрицательно покачал головой, чувствуя, как тоска с новой силой сдавила грудь. Вот и все... Поговорил с человеком, повеяло земным духом, и хватит...

— Ты что это? — удивленно спросил Никитин. — У нас приказ.

— Тебе, нельзя, лететь, сейчас, — громко отчеканил механический голос.

Капитан при первых же звуках резко выпрямился.

— Не бойся! — улыбнулся Виктор и добавил: — Посылают на такое дело всяких необстрелянных вояк.

Никитин еще раз оторопело взглянул на аквариум, потом на Виктора и радостно закричал:

— Ах ты, чертяка! Всему обучил своих лунатиков! Даже по-русски болтают!

— Что, такое, чертяка, — спросила машина.

— Это самая вежливая форма обращения к человеку на Земле, — весело сказал Виктор, стараясь не замечать замешательства капитана.

Никитин показал ему кулак, довольно улыбнулся и настойчиво предложил:

— Слушай, Кленов, точно говорю — домой тебе пора... А то жена уже заждалась.

— Не могу я, капитан, лететь, — слабым голосом сказал Виктор. — Не выдержу...

— Выдержишь! — спокойно и убежденно сказал Никитин. — Ты посмотри на космолет. Не узнаешь? Новая марка — экстра-класс. Опущу тебя так, что даже не почувствуешь, когда сядем.

Виктор видел... Стопка ка́лек на подоконнике его кабинета. Березовая аллейка... Лена.

— Сейчас, капитан, сейчас, — сказал он и сел на постели.

— Ну, вот и все! — облегченно воскликнул Никитин.

— Сейчас, сейчас... — еще раз прошептал Виктор, опуская ноги на пол.

Он быстро встал, в глазах потемнело, капитан подхватил его и укоризненно сказал:

— Держись-ка за меня... Держись, тебе говорят!

Он положил руку Виктора себе на плечи и, обняв в поясе, осторожно повел к космолету. Виктор медленно шел по теплому серому полу своей камеры, смущенно улыбаясь, еще не веря своему счастью...

— Ты, улетаешь, чертяка, — спросила машина.

Никитин снова вздрогнул от этого голоса и втянул голову в плечи.

— Экие горластые попались на наши головы, — недовольно проворчал он. — Поболтать бы с ними, да ты больно уж плох. Ты их в гости скорей зови. Ждут ведь там!

Виктор остановился и медленно повернулся к прозрачной стене, за которой висели цветные неподвижные тени.

— Не беспокойтесь обо мне! — громко сказал он. — Лечите Луча Мысли. Я возвращаюсь на Землю. Я расскажу о вас людям. Мы будем ждать вас. Скоро на Земле все будет иначе... Прилетайте еще! Прилетайте обязательно!